

Татьяна ЕФЛАЕВА,
ведущий редактор номера

О страсти к писательству я больше всего люблю короткий диалог из Довлатова: «А правда, что все журналисты мечтают написать роман?» – «Нет», – солгал я». К учителям, отравленным количеством печатного слова и свободой устного, это относится, наверное, в не меньшей степени. При этом каждый из наших потенциальных авторов может квалифицированно объяснить, почему и в чем мы не правы, отобрав «эти странные» рассказы, стихи и рецензии, а не блестящие опысы других достойных людей.

Разумеется, перед вами субъективный выбор редакции, но мы ручаемся, что все представленное на этих страницах отбиралось с любовью, в муках сомнений и по гамбургскому счету (насколько это возможно!). А главное, все творения отличаются лица необщим выраженьем. Они могут вызвать улыбку или ком в горле, острое желание поспорить с автором, а быть может, обнять его или разделить с ним радость. Но они не дадут повода равнодушно перелистнуть страницу (позвольте мне остаться в этом идеалистическом убеждении).

Начнем с обложки: настроение всего номера задали две талантливые девушки-художницы. Рина Зотова всплыла по цепочке знакомств и притянула за собой подругу Катю Бочарову. Без профессионального образования (впрочем, у Микеланджело

с Ван Гогом его тоже не было) эти юные создания удивляли нас фантазией, точностью и юмором почти круглосуточно – только успевай давать задания! Все рисунки 48-страничного журнала – их рук дело. Так что мы посчитали справедливым представить их отдельно – на обложке, чтобы вы могли увидеть их самобытное, не ограниченное рамками иллюстрации творчество.

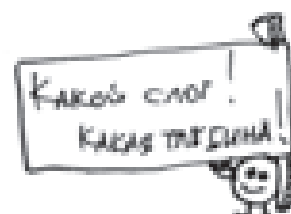
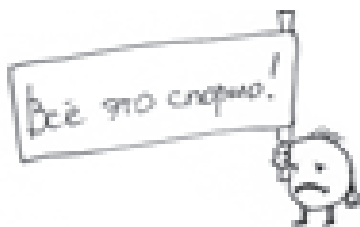
Образность журнала поддержали и живописные, лиричные, яркие фотографии старожила «УГ» Владимира Морозова.

Вообще в этом номере, как нам кажется, достигнут баланс юного задора и зрелой мудрости. Да не смутит поклонников классической строфы и традиционной орфографии по-своему точное и неожиданное обращение со словом Оли Бунякиной. Нежнейшая поэзия Татьяны Мишиной – и совсем другая по человеческому опыту и литературным

вкусам интонация. Стихи Клима Булавкина и Леонида Андреева-Селижарова не только прекрасное струение образов, но и мистерия, где сквозь каждое слово просвечивает незримое. То, что наполняет глаза влагой, а жизнь ощущением причастности к космосу и восторгом бытия. Они вызовут в памяти Тютчева, Блока, Бальмонта, Даниила Андреева, но не останутся в их тени. Тут есть к чему вернуться не один десяток раз...

А автобиографическая повесть учительницы на пенсии Татьяны Бадаевой не менее захватывающая, чем злоключения Оливера Твиста! Поверьте, мы выбрали чуть ли не единственную светлую главу из душераздирающей истории девочки, битой жизнью и сданной матерью в интернат. Эта книга не претендует на отточенность слога, но подкупает беспощадной честностью – от первого до последнего предложения. Искренне советуем прочитать всю повесть на нашем сайте. Впрочем, вы сами вряд ли сможете от этого чтения оторваться, как и мы.

Увы, я не могу охватить в обзоре всех наших авторов. Мое вступительное слово и так затянулось. Если вы еще здесь, интересного чтения!

Содержание

ПРОЗА

Александр ДЕМАХИН

Площадка 3

Татьяна БАДАНОВА

Золотая рыбка 8

Анна ХРУСТАЛЕВА

Наперекор и вопреки 14

Анна ЕЛАНСКАЯ

Няня Гоша 20

Елена УСАЧЕВА

Правая красная рука

Мальчик Костяная нога

Храбрая Маша 26

Петр ЛЮБЕСТОВСКИЙ

Ветки плачущих берез 28

Сергей КЛИМОВ

Гоген. Бегство 33

ПОЭЗИЯ

Татьяна МИШИНА 5

Ольга БУНЯКИНА 12

Клим БУЛАВКИН 18

Леонид АНДРЕЕВ-СЕЛИЖАРОВ ... 24

Альфис ГАЯЗОВ 27

Ольга КОМОВА 32

ИТОГИ КОНКУРСОВ.

КРИТИКА

Анна ХРУСТАЛЕВА

Итоги конкурса

«Гончаров-200» 36

Татьяна ЕФЛАЕВА

Итоги конкурса

«Моя Цветаева» 38

Нила ПЕТРОВА

Другие 41

Ирина ЕВЛАДОВА

Чудаки Александра

Чудакова 45

Рисунки в номере

Ирины ЗОТОВОЙ и Екатерины БОЧАРОВОЙ
Рисунок на 1-й полосе Екатерины БОЧАРОВОЙ
Фотографии в номере Владимира МОРОЗОВА

Газета основана в 1924 году

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР -

Петр ПОЛОЖЕВЕЦ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР -

Евгений АГОШКОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ирина ШВЕЦ -

первый заместитель главного редактора - ответственный секретарь,

irina@ug.ru

Ирина ДИМОВА -

первый заместитель главного редактора, dimova@ug.ru

Ольга МАКСИМОВИЧ -

заместитель главного редактора, maksim@ug.ru

Наталья БУНЯКИНА, uginfo@ug.ru
Светлана РУДЕНКО, rudenko@ug.ru

ОТДЕЛЫ

образования

и социально-экономических проблем редактор Светлана РУДЕНКО - 623-57-81

заместитель редактора

Татьяна ЕФЛАЕВА - 607-78-57

Анна ХРУСТАЛЕВА - 607-78-57

Лора ЗУЕВА - 623-57-81

Оксана РОДИОНОВА - 607-78-57

Виктория МОЛОДЦОВА,

Надежда ТУМОВА - 623-02-85

информации

редактор Наталья БУНЯКИНА - 607-78-57

компьютерный центр -

Валерий ЦУКАНОВ

веб-редактор Константин СОРОКИН

Дирекция по развитию

директор Ирина ДИМОВА - 607-84-44

зам. директора по рекламе и издательским проектам Анна ЕЛАНСКАЯ - 623-87-15

менеджер Вадим МЕЛЕШКО - 624-29-27

менеджер Ирина АГАЕВА - 623-73-94

Дирекция «УГ»-онлайн

директор Ольга МАКСИМОВИЧ - 607-93-40

Агентство «КРУГ-тур»

директор Павел КРИВОУСОВ - 669-97-03

СОБКОРОВСКИЕ ПУНКТЫ

Великий Новгород - Светлана ПОТАПОВА

(8162) 66-08-11;

Воронеж - Татьяна МАСЛИКОВА

(473) 242-22-06;

Екатеринбург - Марина РОМАНОВА

(343) 234-34-35;

Нижний Новгород - Вера АБРАМОВА

(831) 218-78-18;

Новосибирск - Нина КОПТЮГ 8-962-831-73-75;

Омск - Наталья ЯКОВЛЕВА (3812) 73-34-97;

Санкт-Петербург - Наталья АЛЕКСЮТИНА

(812) 366-18-85

Ведущий редактор

Татьяна ЕФЛАЕВА

Оригинал-макет

Анастасия ЦАРЬКОВА,

Константин ГРЕССЕЛЬ

Зав. корректуры

Нина КРАСИКОВА

ПРИЛОЖЕНИЯ «УГ»

«Мой профсоюз»

Наталья БУНЯКИНА - 607-78-57

«Образовательное право.

Деловая папка «УГ»

Татьяна ПОГОРЕЛОВА - 623-02-85

«УГ-Москва»

Виктория МОЛОДЦОВА - 623-02-85

Адрес редакции:

107045, Москва, Ананьевский переулок,
4/2, стр. 1.

Телефон для справок 628-82-53

Факс 624-29-27.

Электронная почта ug@ug.ru

Интернет: <http://www.ug.ru>

Учредитель: журналистский коллектив
редакции.

Издатель:

ЗАО «Издательский дом

«Учительская газета».

© «Учительская газета».

Все права защищены.

Перепечатка допускается только
по письменному согласованию с редакцией,
ссылка на «УГ» обязательна.

© - материал печатается на коммерческой
основе. Редакция не несет ответственности
за достоверность информации, данной
в рекламном объявлении.

Точка зрения автора может не совпадать
с позицией редакции. Рукописи,
фотографии, рисунки не рецензируются
и не возвращаются.

Время подписания в печать:

14.00

16 июля 2012 г.

Газета зарегистрирована Министерством
печати и массовой информации
Российской Федерации (№1061).

Отпечатано в ОАО

«Издательский дом «Красная звезда»
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38
www.redstarph.ru, kr_zvezda@mail.ru

Индексы: 50137, 32168;

12270, 12272

Заказ №3148

Общий тираж с приложениями
74400 экз.

Куда уходит детство

Александр ДЕМАХИН окончил Литературный институт имени Горького (отделение драматургии, семинар проф. И.Л.Вишневской). Сейчас студент 3-го курса режиссерского факультета РУТИ-ГИТИС (мастерская проф. С.В.Женовача).

Драматург, автор пьес «Бабий дом», «Иванов. Хлопформ», «Между калитками», «Утро», «Ночь для мальчиков» и других. Лауреат Первой премии Всероссийского конкурса драматургии «Действующие лица» в 2003 году. Лауреат молодежной поощрительной премии за достижения в области искусства «Триумф» 2005 года.

Но самое интересное, Саша еще и учитель мировой художественной культуры родной Сергиево-Посадской гимназии имени И.Б. Ольбинского. И какой учитель – недавно он стал победителем конкурса «Учитель года Подмосковья-2011», а в этом году участвует в финале «Учителя года России».

ПЛОЩАДКА

*...Гляди-ка, сопляки на спортплощадке
гоняют мяч.*

*Шарф размотай,
потом сними перчатки,
смотри не плачь.
Б.Рыжий*

– А что вы пьете обычно?
– Не очень люблю пиво и красное вино. А остальное – так, одинаково примерно, – выдаю я заранее готовый ответ. – Не сказать, чтобы я от этого получал какое-то особенное удовольствие...

Зачем я об этом говорю сейчас? Зачем я говорю об этом мальчишке на полторы головы выше меня, стоящему напротив в холле с полом из белого мрамора? Мальчишка смотрит на меня сверху вниз и ухмыляется и сейчас развернется спиной и исчезнет – а я что, пытаюсь его удержать? Зачем?

Я помню, как в первый раз пил водку. Мне тогда было на два года больше, чем тебе. Да-да, как ни смешно, я был уже в одиннадцатом, представляешь, мальчишка? Было что-то вроде поздней осени. И мой тогдашний

единственный друг – такой же раздолбай с последней парты, как и ты, – и вот, понимаешь, восемь лет это было назад, а я оборачиваюсь и не вижу, чтобы в чем-то хоть стал другим, – мой друг, который сейчас настолько худой, насколько уже не бывает, он в магазине покупал маленькую бутылочку, и пластмассовые стаканчики, и батон хлеба. И шли мы с ним на последний этаж дома, где этажом ниже жила девушка, которая тогда была его девушкой и о которой он сейчас иногда, вскользь как бы, спрашивает у меня – что она там, как, а она о нем не спрашивает никогда... И была у него гитара, и что-то он там тренькал на последнем нашем с ним этаже, и мы, мальчишка, сочиняли какие-то слова на чужой лестничной площадке. И открывал он эту бутылочку, и разливал

по стаканам, и заранее держал для меня наготове отломанную горбушку белого. И было в нем столько любви и столько нежности... А обстоятельства этих чувств – да, вот такие были обстоятельства... И тогда же, я помню, он мне сказал: «Ты острых впечатлений жизненных почти не испытывал, но мне кажется, тебе это и не нужно

– ты и без этого понимаешь». И вот в этом он был неправ, мой тогда еще не такой исхудавший друг.

И вот стою я напротив тебя в холле с полом из белого мрамора – твой бывший и, может быть, будущий классный руководитель, а пока, слава богу, никто, просто мальчик с курткой другого – серого – цвета. Да и куртка моя наверху, в шкафу учительской висит, а не как твоя, на тебе. И девчонки наши – пятнадцатилетние девчонки, твои одноклассницы, мои бывшие и, может быть, будущие ученицы – тоже в куртках толпятся вокруг нас с тобою. Ну и все, и сейчас ты ударишь по моей руке, и все тогда. И я кидаю карту из рукава – сколько выигрываю, тридцать секунд?

– Как у вас там, хорошо на семнадцатом этаже? – Карта легла, ты помедлил, удивившись, что я знаю. – Мне же там до вас два шага, я вас сквозь стены чувствую.

– Так вы заходите, когда почувствуете. Будем ждать.

Ударили по рукам, улыбнулись. Может быть, даже сорок секунд...

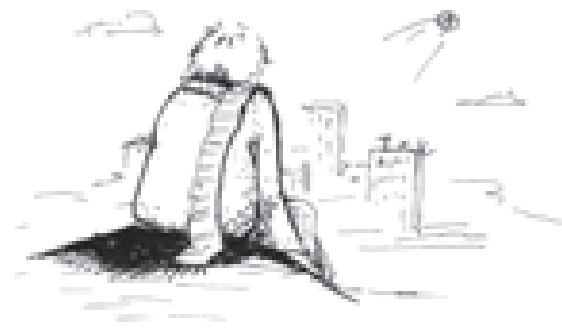
Микрорайон, в котором я живу, построен на месте старого кладбища. Помню из детства: перекопанная земля и обломки плит – или это мне кажется, что помню... И наши пять краснокирпичных пятиэтажек компактно стоят на самом краю поселка, а сразу за ними начинается огромный болотистый овраг, посередине которого течет совсем обмелевшая и запаршивевшая речка: летом на краю оврага старушки из пятиэтажек выращивают картошку, а зимой через него пролегает трасса лыжников из микрорайонной средней школы. А на площадке между домами и оврагом было футбольное поле. Не стану врать, что, когда был маленьким, проводил там летние дни напролет. Может, и играл пару раз. Плохо играл. Но что точно было – летними вечерами, когда тем-

нота проникает в свет еле заметными крупинками, шел мальчик в футболке и шортах по тропинке за своими домами – так он гулял один, кругами по поселку – и останавливался, и смотрел вниз, на поле, где гоняли мяч пацаны. И мог так стоять десять минут, пятнадцать, полчаса – поближе к кустам, чтобы не особенно его было видно, – и смотреть за играющими вместе пацанами. А потом шел по своему кругу (с чувством почти что счастья) дальше. А однажды на его тропинку залетел мяч. И как он хотел послать им его что есть силы – чтобы летел мяч в вечернем воздухе по красивой такой дуге... А получилось, конечно, не так... И вот эта тропинка, и это поле с пацанами – это и есть его детство, и тоже – разве что-то изменилось с тех пор?.. А в тот самый год, когда он впервые пил водку и когда был на два года старше тебя, в земляную глину, еще недавно бывшую футбольным полем, начали вбивать сваи... Теперь на этом месте стоят три семнадцатизэтажки. И в одной из них живет твоя, мальчишка, пятнадцатилетняя одноклассница. И на семнадцатом, на последнем, этаже, где никто не живет, вы собираетесь... А там, понимаешь, там было футбольное поле и на шестнадцать этажей выше был воздух, только воздух, понимаешь, и он, если и смотрел туда, то только на мгновение, отвлечшись от пацанской игры. И вот в этом самом месте, где был только воздух, – там, на семнадцатом этаже... Знаешь, когда в глину вбивали сваи, это будто бы уничтожали: то поле, тех пацанов и возможность, проходя мимо, обновиться. А ради чего? И больно было,

и непонятно, зачем. А не было бы тех ударов – и вас там сейчас, вас вместе, не было бы. И теперь – теперь я стою на своей тропинке у кустов и вижу, я вижу: вот поле и вот они, гоняющие мяч пацаны, поднимаю взгляд, а над полем, в воздухе – здесь, сейчас, одновременно – парите вы...

Белый мраморный холл, и я один посреди него. Подняться сейчас наверх, надеть свою серую куртку и отправиться на семнадцатый этаж. А что – двадцать минут по снегу вдоль дороги, и вот – крыльцо, подъездная дверь, лифт, лестничный пролет... И, конечно, никого здесь нет. Хотя бы окурок какой-нибудь валялся... Я расстегиваю ворот куртки, ухмыляюсь и сажусь на пол, прислоняясь к холодной стене. Черт его знает, как они здесь – наверное, так же как и все всегда, пока есть последние этажи... Надо бы идти отсюда, два шага же всего. А глаза сами закрываются...

Я наконец поднимаюсь по лестнице из белого холла. На лестнице темно. Ерунда все это. У меня одна жизнь, здесь, на этой лестнице, у тебя, Женька в светлой куртке, другая, и третья – у моего худого Илюхи. А если где мы и окажемся вместе – так это в воздухе, высоко-высоко над землей, и будем смеяться пасовать там друг другу футбольный мяч...

Золотой абжур

Татьяна МИШИНА – учитель коррекционной школы в Нижнем Новгороде, поэт. Победитель нашего конкурса 2011–2012 года «Литературное творчество читателей» в номинации «Стихотворение».

Родилась в 1968 году. После окончания педагогического института поработала в родной школе и в библиотеке, но неожиданно нашла себя в коррекционной школе, где уже 12-й год трудится учителем домашнего обучения. Живет с мамой, мужем и сыном. Любит животных – в доме четыре кошки и собака. Обожает вышивать, читать классику, особенно Аксакова, Чехова, Гоголя, Толстого.

Береги мое утро.
Не смей. Убегать. От меня.
Пусть рассеянный сеется свет
И меж нами таится...
Пусть под утренним сводом
Мечта за мечтой окрылится,
И спокойно, и плавно
Откроются веки у дня.

Береги мое утро.
Любуйся его хрусталем.
И упрись в его стены
Своими-моими руками...
Мы по каждой тропинке
У нашего утра пройдем,
А оно – уж потом –
Будет шлейфом
Струиться за нами.

Береги пробужденье.
Ворота его охраняй.
Зверем добрым и нежным
В назначенный час просыпайся...
И с небесных ступенек
Один без меня не спускайся.
...И ключами от тайн
Прозвенеть мне потом не давай.

Славным будь королем!
Будь над памятью
утренней властью!..
...И садовником робким,
Влюбленным в цветочную фею...
Береги мое утро.
Одной мне туда не попасть.
...Я одна без тебя
И глаза-то открыть не сумею.

Вот бы придумать,
Как задержать на улице запах лип!
И наконец-то, если такое возможно,
им надышаться!
Мне бы хотелось, чтоб
к летнему воздуху он прилип
И не смог от него бы до осени
оторваться!

Я хожу, дышу, улыбаюсь...
А город спит...
И воздух сладких деревьев
В сны его льется...
Нет, липа не просто пахнет –
она звучит!

...Как тонкий парфюм,
Жаль, на коже не остается...

.....
Выкрики пьяных прохожих
и дураков,
Мыслей своих усталость
и тяжесть тела –
Нет ничего. Ни условностей,
ни оков...
Встала под липу, вздохнула
и улетела!..

1 апреля

Апрель мне представляется бутонем
Знакомо-незнакомого цветка.
Его вручает тихий Март с поклоном
Таинственным... На праздник дурака.

Еще в дверях Весны так много снега,
И тихий Март, конечно, виноват,
Что кажется Апрель мне то телегой,
То колесом, катящимся назад...

И где застрянет, там и засмеется
Веселый месяц в блеске золотом!
...А тишина за мартом остается,
Чтоб началась Весна опять потом...

...А помнишь, в начале лета

стояли дни,

Богатые солнцем,
Словно подьезды парадные?..
Теперь ладони у Лета
Совсем прохладные...
Лечебным компрессам
Стали они сродни.

...А помнишь, какое Лето

было в мечтах?..

Мы там навсегда попадали в его поцелуи!
...Теперь я все время мерзну,
Мурашки вон на руках,
Остывшего ветра везде проникают струи...

И наши слова не искрятся –

притихли и сжались,

И в кофтах, и в куртках
Одетые ходят, как мы...
...Ты помнишь, когда эти дни
В наше Лето прокрались?..
С дыханием осени,
А временами зимы.

А сны!.. Все пылают заменой
Погоде нелетной!

То с берега моря
К тебе я бегу,
То от жаркой сосны...
И воздух там тепло-соленый
И бархатно-плотный...
И мы из-за солнца
Друг другу почти не видны...

К портрету

Вот вышитая дева на стене...
 Вся в юности – приветливой, старинной...
 Ей нравится дарить улыбку мне
 И взглядом прикоснуться голубиным.

Вся яркая. Цветная, как витраж,
 Над лампою, зажженной вечерами,
 Живет она. И дом тревожит наш
 И музыкой, и солнцем, и ветрами...

Все тайны сердца пьют ее глаза.
 Что делать у бездонного колодца?
 За то, что ей невольно рассказал,
 Никто и не посмеет с ней бороться...

И все-таки с ней рядом хорошо...
 Приют загадок и пролады чистой,
 И времени ее – поток лучистый,
 На полотне колдует небольшим.

Мне зимой уютнее, чем летом...
 Греет пустяковый разговор,
 День с утра не докучает светом,
 И в семье как будто меньше ссор.

Вся зима устроена для чтенья!
 Вечера особенно в цене!..
 Классике и сказкам предпочтенье
 На диване старом в тишине.

Ну а снег пойдет пушистой ватой
 Между цепких сучьев за окном,
 Выйдем вместе помахать лопатой,
 Чтоб уснуть потом счастливым сном.

Утром виноватый и неловкий
 Робкий свет на цыпочках войдет...
 ...Жизнь тиха на зимней остановке,
 Словно замер времени полет.

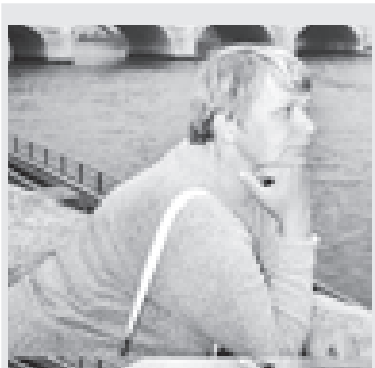
Весна

Что радует? Весенний ветер теплый,
 Его пушистый, ласковый порыв,
 Как яркий свет бросает он на стекла,
 В домах унылых жизнь переменив.

Так радует, что зелень налетела...
 И нежный рой молоденькой листвы
 На каждом дереве свое находит дело,
 Взлетая из проснувшейся травы.

Так радует, что воробьиный щебет
 Весной напоминает детский сад,
 И кажется, что в обновленном небе
 Все облака с улыбками летят.

Татьяна БАДАНОВА – педагог с 27-летним стажем. Родилась в 1949 году. По окончании филфака Ивановского государственного университета работала пионервожатой, воспитателем в специнтернате, педагогом группы продленного дня. В настоящее время на пенсии, но общается с детьми по зову сердца.

Живет в деревне Хмельники Родниковского района Ивановской области. Переехала туда из Иванова на постоянное место жительства в начале перестройки, чтобы иметь возможность вести собственное хозяйство – весомое подспорье к небольшой педагогической зарплате. Повесть-мемуары «В прошлое открытые глаза» публикуется впервые. Полностью ее можно будет прочесть в рубрике «Книжная полка» на нашем сайте www.ug.ru.

Золотая рыбка

(Отрывок из повести «В прошлое открытые глаза»)

В начале декабря во время урока к нам в класс пришла директор школы. Она вошла с молодой и очень красивой девушкой. Директор сказала, что эта девушка будет проходить педагогическую практику в нашем классе и что зовут ее Ольга Яковлевна, что мы должны ее слушаться и уважать, как нашу учительницу Анастасию Петровну. Этого нам говорить было и не нужно. Мы всем классом сразу влюбились в Ольгу Яковлевну. Анастасия Петровна была в нашем представлении пожилым человеком, хотя я сейчас думаю, что ей не было и пятидесяти лет, когда она нас учила. Не знаю почему, но детям всегда больше нравятся молодые учителя.

Ольга Яковлевна всех нас очаровала. Во-первых, она никогда на нас не кричала, как наша Наська (так между собой звали мы нашу учительницу). Во-вторых, она была очень хорошенькая внешне: маленькая, миниатюрная, с кудряшками соломенного цвета и ямочками на щеках. Она постоянно что-то выдумывала. Возила нас в цирк. Водила в лес, где мы разыгрывали сказку «12 месяцев». Там мы водили хоровод вокруг костра и пели «В лесу родилась елочка». Это была настоящая зимняя сказка. А однажды она привела в класс настоящего музыканта. Он играл на скрипке, прижимая ее щекой так нежно, а музыка была такая красивая, что мы все слушали затаив дыхание. Она объяснила нам, что это музыка композитора Сен-Санса, называется «Умиряющий лебедь». На душе было грустно и

светло. Нам даже не хотелось разговаривать. Я впервые в своей жизни слушала живую музыку, от которой замирало сердце. Потом, всю свою жизнь, когда я была в театре, в филармонии или в музее, я проверяла искусство на «настоящность», вспоминая то состояние, когда сердце замирает.

Вторая четверть заканчивалась, и в классе шла подготовка к новогодней елке. Ольга Яковлевна предложила устроить карнавал. Всем эта идея понравилась. Всем, кроме меня. Я точно знала, что никакого карнавального костюма у меня не будет. Моя мама

всегда была на работе. Бабушка занималась хозяйством: обшивала, кормила, убирала дом. Старшая сестра была, как называла ее бабушка, «никуловка», то есть ни шить, ни вязать не умела. В общем, помочь мне было некому. На празднике я должна была

читать Деду Морозу большое стихотворение Пушкина «Зима». Стихотворение я выучила быстро. У меня была очень хорошая память, да и выступать я всегда любила. У меня, как говорила Анастасия Петровна, был громкий голос и хорошая дикция, к тому же я всегда читала с чувством. Мама когда на меня сердилась, называла артисткой. Это было мое домашнее прозвище, на которое я вовсе не обижалась. Но что делать с карнавальным костюмом, не знала. Тогда я сказала Ольге Яковлевне, что не буду выступать, потому что у меня не будет костюма. Она погладила меня по голове и сказала: «Не печалься, мы что-нибудь придумаем».

В конце недели, когда до праздника оставалось три дня, Ольга Яковлевна подошла ко мне на перемене и пригласила в воскресенье к себе домой: «Будем шить тебе карнавальный костюм». Она написала на листочке свой домашний адрес и дала его мне. Я, счастливая, в ожидании какого-то чуда помчалась домой. Это была суббота. Я не могла дожидаться, когда она закончится. Чего я только не делала, чтоб скорее наступил вечер, а потом ночь, чтоб наутро идти к своей учительнице! Вымыла полы, принесла воды с колонки, чем удивила бабушку, потому что без всяких просьб все делала сама. Вечером с работы пришла мама, а я все никак не могла решиться сказать ей, что завтра мне надо быть у Ольги Яковлевны. По воскресеньям мы с сестрой и мамой ходили в баню. Это было обязательно и не обсуждалось. Но мама заметила-таки мое необычное поведение, да и бабушка похвалила меня. Тогда я решилась сообщить ей, что в баню не пойду, что мне надо к учительнице шить новогодний карнавальный костюм. А мыться согласна в корыте на кухне. На мое удивление,

мама очень легко согласилась. Бабушка тут же достала чугунок с горячей водой из печки, и они с мамой вымыли меня.

...Я проснулась, когда на улице еще было темно. Зимой светает поздно, и я испугалась, что проспала. Быстро оделась и, не глядя на часы, побежала к двери. «Куда ты, оглашенная? – спросила проснувшаяся от моего шума бабушка. – Посмотри на часы!» Было семь часов утра. «В такую рань по гостям не ходят», – пробурчала она и принялась растапливать печь. Я одетая, в валенках и в пальто, подпоясанном широким солдатским ремнем, чтоб не поддувало, уселась на лавку ждать рассвета. Время тянулось бесконечно долго. Мне казалось, что я уже два часа сижу на этой лавке и болтаю ногами. На стене напротив меня висели часы-ходики с бегающими кошачьими глазками. Бабушка уж и гирию подтянула, и часы тикали громко, но стрелки замерли на половине восьмого и дальше не двигались. Я даже глаза зажмурировала, думала, сейчас открою, они и подвинутся. Нет! Не двигались вовсе.

Тут я решила, что пойду, пожалуй. Буду идти медленно, там, смотришь, и рассвет наступит. Вышла из дома и, как мне казалось, медленным шагом двинулась к дому Ольги Яковлевны. Лаяли собаки, прохожих почти не было на улице. Мне казалось, что я еле плетусь. Даже замерзла немного. И вот я уже у дома Ольги Яковлевны. Я потопталась около подъезда, ноги стали замерзать. Решила идти и ждать рассвета около квартиры. Ольга Яковлевна жила на втором этаже. В подъезде было тепло. Я сдвинула с головы платок, сняла варежки, села на корточки около нужного мне номера квартиры и не заметила, как заснула. Проснулась оттого, что кто-то теребил меня за воротник пальто

и спрашивал: «Кто ты? Что тебе здесь надо?»

Я открыла глаза и увидела, что дверь в квартиру открыта, а над мной склонилась пожилая женщина в ночной рубашке. На плечах у нее был накинут шерстяной платок. Я сказала, что мне нужна Ольга Яковлевна. Женщина повернула голову и крикнула вглубь квартиры: «Олюшка, к тебе тут какой-то мальчик пришел!» Я испугалась и никак не могла по-

нять: «Почему мальчик?» На мне и правда, пальто было мальчиковое, после брата донашивала, но пуговицы-то бабушка переставила на «женскую» сторону! Да и стрижка у меня была мальчиковая. Мама стригла нас дома сама машинкой, «всех под одну гребенку». Мальчиков наголо, мне же оставляли челку. Сестре Вале разрешалось носить косички. Волосы у нее были жидкие, и ее косички, заплетенные с тряпочками, выглядели, как крысиные хвостики.

Из глубины квартиры в голубом халатике и в тапочках с помпонами вышла Ольга Яковлевна. «Это ко мне. И это девочка. Зовут ее Таня. А это моя мама, Анна Михайловна», – повернувшись ко мне, сказала Ольга Яковлевна. Мне разрешили войти. Я сняла валенки, пальто, развязала

платок. Мне еще с вечера бабушка сказала, чтоб я надела школьное платье. Оно у меня было «на выход». Его я носила в школу и в гости. Дома же донашивала то, что оставалось от сестры, или то, что «подавали» родственники после своих выросших детей. Нашу семью все жалели. Мы были бедные, поэтому, приходя к кому-нибудь в гости, я много не понимала и не знала, как себя правильно вести.

Меня провели в комнату, где мне все показалось необычным. Она была раем. Моя бабушка верила в Бога и часто говорила нам, что послушные и добрые дети будут жить в раю, а хулиганов и бездельников (при этом она чаще всего смотрела в сторону брата Гены) ждет адская жизнь. Рай же она описывала как место, где никто не голодает, где очень красиво, много цветов и очень чисто. Вот примерно так выглядела комната Ольги Яковлевны. Чистота была необыкновенная. На окнах висел белоснежный тюль. Цветы стояли везде: на полу в кадучке – пальма, на подоконниках – белая и красная герань. Посреди комнаты стоял круглый стол, на котором лежала узорчатая скатерть. Больше всего меня поразило количество книг в стенном шкафу. Я ни у кого не видела столько книг. Я уже тогда решила, что, когда вырасту, у меня тоже будет много книг. Я очень любила читать. К тому времени, когда я вошла в комнату, на улице развиднелось и взошло яркое морозное солнце. Оно своими лучами проникало сквозь тюлевые занавески и освещало комнату волшебным сиянием. Как будто снежинки влетели через окно и засверкали хрустальными льдинками, отражаясь в трехстворчатом зеркале.

Ольга Яковлевна в своем голубеньком халатике и в тапочках с помпонами и вправду была «Олюшкой», а

не классной учительницей, которая приходила на уроки в строгом коричневом костюме и белой блузе. Анна Михайловна позвала нас на кухню. Я села на диван и сказала, что уже завтракала. «Мы просто попьем чаю», – предложила Ольга Яковлевна. Меня усадили за стол. От всего увиденного я потеряла дар речи и, как китайский болванчик, кивала головой, со всем соглашаясь. На столе была тарелка, где лежали бутерброды с колбасой, стояла вазочка с вареньем, а в плетеной корзиночке лежали шоколадные конфеты.

Дома, если к нам приходили гости, нас, детей, кормили заранее, и к столу подходить не разрешалось. Я несколько растерялась. Мне никогда не приходилось сидеть вместе с взрослыми за таким богатым столом. Ольга Яковлевна сама налила мне чаю и положила на блюдце бутерброд. В животе у меня предательски заурчало. Я руками пыталась его прикрыть. Анна Михайловна и Ольга Яковлевна делали вид, что ничего не замечают. Они громко обсуждали планы на сегодняшний день. Я видела, что на меня никто не обращает внимания, и стала есть все подряд, что было на столе. Очнулась я тогда, когда поняла, что бутерброды как-то закончились и в вазе почти нет конфет, а около моей чашки лежит куча фантиков.

«Ну что ж, пора за дело», – сказала Ольга Яковлевна. Мы пошли в комнату, где она сняла со стола красивую узорчатую скатерть, выдвинула ящик комода и достала оттуда голубое капроновое платье, отделанное белой атласной лентой. Оно было похоже на облако. Ольга Яковлевна сказала, что в этом платье она была на выпускном вечере после восьмого класса. «Вот из него-то мы и будем делать тебе костюм золотой рыбки. Я чуть не лишилась рассудка. Не могла

поверить, что из такой красоты у меня будет карнавальный костюм. Но Ольга Яковлевна быстро сняла с меня мерку. Взяла ножницы и стала кроить платье.

Мне же она сказала, чтоб я не бездельничала и смастерила себе корону. «Какая же золотая рыбка и без короны?» – сказала она. Я из картона вырезала по размеру своей лысой головы корону. Потом Ольга Яковлевна достала несколько стеклянных елочных игрушек, завернула в тряпку и велела разбить их скалкой на мелкие кусочки, что я и сделала с большой охотой. Потом густо намазала корону клеем и обсыпала битыми игрушками. Корона засверкала так, как будто была усыпана настоящими бриллиантами. К этому времени платье тоже было уже почти готово. Из ящика, где лежали елочные игрушки, мы выбрали бумажных рыбок, покрытых розовой и голубой фольгой, и стали пришивать к платью. По низу платья Ольга Яковлевна пришила еще синюю атласную ленту, предварительно собрав ее на нитку. Получилась оборочка, похожая на морскую волну. Наконец я облачилась в свой сказочный наряд, а Ольга Яковлевна стала критически меня осматривать. Мне нравилось все. Я ощущала себя счастливейшим человеком на свете!

Но моей доброй фее что-то не нравилось. Она сказала: «Нет, не может наша золотая рыбка быть без волос». Я чуть не расплакалась. Тут Ольга Яковлевна перевела взгляд на куклу в кокошнике и сарафане, которая сидела на комодке. У куклы было две длинные косы. «Что ж, – обратилась к ней Ольга Яковлевна, – придется тебе, красавица, пожить с короткой стрижкой. Вон у тебя кокошник какой красивый, ты и без кос не подурнеешь». Я даже охнуть не успела, как она взяла ножницы и решительно от-

стригла кукле обе косы. Потом она их распустила, провела кисточкой с клеем по внутренней поверхности короны и маленькими прядями приклеила на нее куклины волосы. Это было чудо! Во время работы в нашей импровизированной костюмерной «Олюшка» что-то напевала, мы говорили о том о сем, много смеялись. Было так хорошо и уютно в этом доме, что хотелось расплакаться. Очень захотелось здесь жить всегда.

Я не верила, что все это происходит со мной. Хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон.

Напряжение схлынуло, а живот опять предательски заурчал. Обеденный стол был уже накрыт. Покрытый белой скатертью с голубыми маленькими цветочками, похожими на незабудки, он выглядел необыкновенно нарядно и празднично! Анна Михайловна улыбалась и ни словом не обмолвилась об обстриженной кукле. Мне стало весело и радостно. Я почувствовала себя свободно и совсем перестала стесняться. Анна Михайловна положила передо мной вилку и нож. Нож не такой, каким режут хлеб, а какой-то закругленный. Это меня озадачило. Ну с вилкой я еще могла понять, что делать, хотя дома всегда ели ложками. Ножом у нас нарезали хлеб и чистили картошку. Нет, конечно, я видела это в кино про старую жизнь, где барыни даже фрукты резали ножом. Но то в кино!

Пока я все это обдумывала, Анна Михайловна поставила передо мной тарелку, на которой горкой лежало очень вкусно пахнущее лавровым листом картофельное пюре с кусочком сливочного масла на верхушке. Он лежал в горячем пюре, как в кратере еще не потухшего вулкана. Рядом разлеглась толстушка, с блестящей коричневой кожицей сарделька, от которой исходил такой вкусный за-

пах, что хотелось скорее схватить ее прямо рукой и немедленно откусить. Тут я посмотрела на Ольгу Яковлевну и увидела, как она аккуратно воткнула в сардельку вилку и ножом режет ее на кусочки. Взяв в одну руку нож, а в другую вилку, я со всего маху воткнула ее в сардельку. Но – о ужас! – сарделька вместе с вилкой скользнула по тарелке, и мой белоснежный вулкан из пюре с желтым сливочным кратером лавой сполз на белую ска-

терть с голубыми незабудками. Это была катастрофа! Вся моя лихость и удаль, с которой я приступала к еде, мгновенно улетучились. Стыд охватил все мое существо. Мне было так жалко себя, и этой вкусной еды, и этой красивой скатерти, и всего, что меня окружало, что я зарыдала во весь голос.

Я понимала, что меня уже никогда не позовут в этот дом и не предложат остаться жить здесь навсегда. Вдруг я почувствовала, что кто-то мягким полотенцем вытирает мое лицо. Это была Анна Михайловна. Она гладила меня по голове и всячески утешала. Говорила, что ничего страшного не случилось, что скатерть отстирается, а еды еще хватит на всех. В это время Ольга Яковлевна незаметно и быстро

убрала все мои «художества». На стол постелили другую скатерть, а передо мной опять стояла тарелка с дымящимся картофельным пюре и все с той же проткнутой мною так лихо сарделькой. Только на этот раз Анна Михайловна дала мне ложку и сказала, чтоб я ела, как мне удобно. А потом был еще очень вкусный компот с урюком... очень вкусный! Уж тут-то я знала, что ягоды из стакана надо доставать не руками, а ложечкой, чем очень порадовала гостеприимных хозяек. В общем, обед, ко всеобщему удовольствию, закончился без разбитых стаканов и с чистой скатертью.

Мы вернулись в комнату. Ольга Яковлевна попросила еще раз надеть мое великолепное платье и корону. Ей хотелось, чтобы Анна Михайловна могла получше все рассмотреть. Меня поставили на стул и велели поворачиваться в разные стороны. Потом, во взрослой жизни, у меня никогда не было такого наряда, от которого я была бы в таком восторге, как тогда. Я читала стихи – все, какие знала. И вдруг, во время очередных аплодисментов, Ольга Яковлевна сказала: «А сарделька, как лягушка, поскакала по столу». Тут мы все начали смеяться так, что я чуть со стула не упала.

На новогоднем карнавале мой костюм признали лучшим, а за стихотворение Дед Мороз вручил мне гостинцы. Я видела, как Ольга Яковлевна мне подмигнула. Я ведь никому не рассказывала, откуда у меня появился этот красивый наряд. И о том, как во время обеда сарделька «как лягушка, прыгала по столу». Это был наш секрет.

А золотая рыбка, которой я была на карнавале, еще много раз исполняла мои желания. Все они были связаны со встречами на моем пути добрых и замечательных людей, которые помогали мне идти по жизни.

Молодые и дерзкие

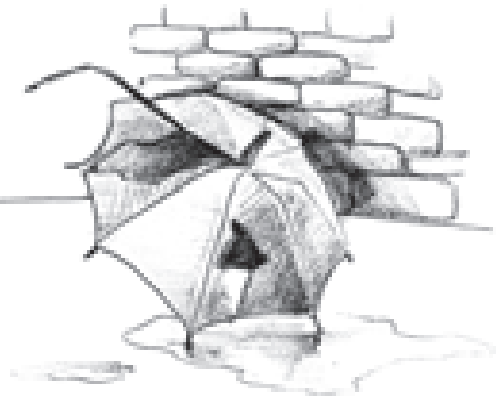
Ольга БУНЯКИНА живет в подмосковном Королеве, а может быть и нет, ведь папа нашей героини утверждает, что она «чуждая, как из Бангладеш». Сразу после окончания школы попала в клуб «Приключение» Дмитрия Шпиро, где четыре года проработала администратором и принимала участие в организации таких проектов, как молодежный лагерь «Большое Приключение» в Карелии. Окончила Институт журналистики и литературного творчества. Дипломной работой Оли стал первый сборник собственных стихов «Не болтай личного», который сейчас готовится к изданию. Любит джаз, рок и авангардную музыку, а поэзию предпочитает прозе во всех ее проявлениях: как в литературе, так и в жизни.

Прожить остаток жизни в Подмоскowie
не пить сухой портвейн и не ругаться матом
укрыться старым полосатым пледом
Закончить ту главу которой еще нету
где мы с тобою летом в Подмоскowie
а может быть, в Крыму все может случиться
не пьем сухой портвейн
Стареем потихоньку
в обнимку с самой долгожданной книгой
имея все на свете, не имея ни гроша
во всем есть красота, душа моя
во всем есть красота

и в этом пне
и в том дожде
и в зонтике у старого вокзала
Торчат уж спицы из него,
проклевана наружность

во всем есть красота, душа моя
и никому ненужность
Во всем есть красота

Ладождик

Дождь трезвонит целый день
По кому тебе не лень
так звонить, хороший?
Шлепаю в калошах...

Длинные гудки
Пробел
Все быстрее и быстрее
Все короче и короче
Вот уж и капель...

Не иначе ты отбил
ладоши?

Колыбельная подснежного человека

Как много утекло воды
В нее второй раз не войти
Не потрепать ее за космы
Не завязать в узлы

Как много скользких никогда
Слетело с языка
Пока упорно шла вода

Она вернется к нам когда
Пройдет все семь кругов ада
Ну а пока, дружок, вода
Застряла где-то в круге пятом
Не удастся, видишь, Данте
заговорить ее пока
И в этом не ее вина...

Но верь, дружок, пройдет она
Все круговые фильтры сна
И чудом белого каления
К нам всем вернется зимняя вода

Да-да Да-да
Да-да Да-да

Подмерзшей коркой винограда
и снежной бабой у крыльца

И молила осень:
Осип, Осип, Осип

И кричала осень:
Просим, просим, просим

И устала осень
В восемь, восемь, восемь

Парусами оземь
Осень, осень, осень

Есть в снеге какая-то тайна
И музыка тайная есть
Играет смычок на пиано
И тает таинственный лес

Water lilies

Миссис Дэллоуэй сказала, что сама купит цветы
Положите камни на пианино
для красоты
Пускай звучат
Пускай звучит все в этом доме -
Линии, камни и цветы,
Каждый день этого лета

Пусть барабанит по клавишам дождь
Пускай вытекают песочные часы
пролетает кукушка, падают звезды
И цветет водяная лилия,
Что прекраснее всех

Пускай рождаются и умирают народы
Проходят все сроки, все войны, пиры

Только дождь стучит по клавишам
и миссис Дэллоуэй сказала, что сама купит цветы

Странная осень
почти что зима
пей эту рюмку
до дна

Странная осень
в окне никого
трется собака
о ногу

Странная осень
А чем не зима
Выпили рюмку
до дна

и наступила Весна...

Анна ХРУСТАЛЕВА. С детства мечтала быть актрисой, доктором исторических наук, олимпийской чемпионкой по плаванию, стюардессой или королевой Наваррской. А стала журналистом, посчитав, что ни в одной другой профессии все ее желания и мечты не уживутся столь мирно и гармонично. Очень любит работать. А именно смотреть кино и думать о кино, читать книги и рассказывать о них тем, кто умеет слушать, летать на самолетах и встречаться с увлеченными чудаками, донкихотами, гениями не от мира сего и просто хорошими людьми. Свою первую сказку написала для сына Вани, когда ему не было еще трех лет. С тех пор Ваня вырос, а привычка писать сказки осталась. Верит, что в душе каждого из нас живут храбрые рыцари, прекрасные принцессы и могучие волшебники. А добро всегда побеждает зло.

Наперекор и вопреки

Они полюбили друг друга с первого взгляда. Прекрасная Принцесса и простой Солдат. Полюбили, несмотря на то что в ее жилах текла благородная кровь многих поколений королей и королев, высокородных герцогов и заморских князей, а в его неписаной родословной значились одни землешцы, пастухи да парочка браконьеров. Но истинной любви, если допустить, что она и в самом деле существует, нет дела до сословных предрассудков. Ее мало заботит, чи сердца шивает она крепко-накрепко своими невидимыми чувственными нитями. Пред ней все равны. И все беззащитны. И прекрасная Принцесса. И простой Солдат. Больше всего на свете мне хотелось бы сейчас сказать вам, что они поженились и сотни колоколов славили влюбленных, вознося к небу их клятвы в вечной верности. Перенести вас к пышному алтарю, куда старик Король привел красавицу дочь, чтобы вы своими глазами увидели, как невесомым белоснежным облаком пала Принцесса в объятия юного Солдата, как бесконечно долго длился их благоухавший лилиями поцелуй. И пока бы он длился, я бы поставила финальную точку, большую уверенную точку, за которой лишь безмятежная жизнь и бескрайнее счастье. Ах, если бы я только могла поступить так... Если б могла... Но, увы, не в моих это силах. Потому что на самом деле все было совсем по-другому.

Начать с того, что никакого отца Короля у Принцессы не было. То есть когда-то он, конечно, был: высокий,

смелый, прекраснейший из прекрасных. После смерти Королевы, тихой и слабой женщины, не сумевшей перенести рождения дочери и отошедшей в мир иной с выражением бесконечного удивления на бледном лице, он, как полагается, честно погоревал год-другой, а потом женился снова. На следующий день после свадьбы была объявлена охота. Король простудился, потому что никогда не носил теплых шарфов, считая подобные предосторожности ниже своего венценосного достоинства, и вскоре умер, вверив крошку дочь заботам новоиспеченной Мачехи. Как вы понимаете, Мачеха была колдуньей. Злой, думаете вы? Бог с вами, что за предрассудки! Поверьте, кухарка, гонявшая судомоек на дворцовой кухне, была куда злее, хотя все ее сверхъестественные способности сводились лишь к умению превратить кусочек нежнейшей телятины в несъедобную каменную подметку. Мачеха же была вовсе не злая. Она была философом и всегда и во всем руководствовалась одним-единственным принципом: чему быть – того не миновать. «Если тебе, дорогая моя, суждено вырасти писаной красавицей, это случится, несмотря ни на что», – заключила однажды Мачеха и отправила Принцессу скрести котлы под началом свирепой кухарки. «Кому предначертано быть умным и образованным, тот непременно им станет», – решила Мачеха чуть позже и надежно спрятала ключи от библиотеки в складках своего изящного шелкового платья. «Доброе сердце не может ожесто-

читься, если, конечно, оно и в самом деле доброе», – уверяла Мачеха и за малейшую провинность осыпала падчерицу звонкими пощечинами.

Спорить с ней было бессмысленно, потому что, как ни крути, а Мачеха была права: несмотря на тяжелую, непосильную работу, Принцесса с каждым днем только хорошела, будто какой-то невидимый миру скульптор-виртуоз продолжал без устали вырезать ее и без того прекрасное лицо, ни на мгновение не опуская свой волшебный резец, исправляя малейшие неточности, сглаживая все неровности, пока не достиг совершенства. Таким же совершенным оказалось и ее сердце, вмещавшее в себя, казалось, все тепло и сострадание этого мира. Другая бы на ее месте уже давно люто возненавидела Мачеху, на худой конец попыталась бы отравить ее крысиным ядом.

Принцесса же ее искренне жалела: бедняжка, она так рано овдовела, не стоит обращать внимания на ее небольшие капризы и слабости. Да, чуть не забыла: искать запасной ключ от читального зала тоже не пришлось. По вечерам, когда дворец погружался в сон, Принцесса бесшумно проскальзывала в библиотеку через окно и, уйдя с головой в очередную волшебную историю, частенько даже не замечала, как занимался рассвет над верхушками деревьев королевского парка. Здесь-то и встретила она своего Солдата. В ту ночь в руки ей попался потемневший от времени фолиант, полный удивительных старинных баллад и легенд. Завороженная, едва дыша от страха и возбуждения, позабыв о времени и осторожности, Принцесса лихорадочно перелистывала страницу за страницей. Оседлав огромного дракона, летела она над безбрежной морской пучиной. За ее мимолетный взгляд бились на тур-

нире бесстрашные рыцари в тяжелых доспехах. Очнувшись ото сна в темном сыром склепе, она пила яд с губ своего возлюбленного, спеша воссоединиться с ним по ту сторону света и тьмы. Дочитав последние строки и смахнув с ресниц непрошеную слезу, Принцесса подняла голову и долго не могла понять, сколько же времени прошло: полчаса, час или целая вечность. Сквозь тяжелые пыльные портьеры в комнату врывалось жаркое июльское солнце. Господи, уже утро, исчезнуть из библиотеки неслышной тенью скорее всего не получится – стража непременно заметит ее и до-

несет куда следует. Ах, как расстроится Мачеха, с какой горечью будет хлестать ее по щекам... Скрипнули разохшиеся оконные створки, до земли подать, всего несколько шагов – и спасительные розовые кусты надежно укроют ее своей цветущей пышной пеной. Лишь бы не обернулись двое высоких стражников, так некстати оказавшиеся тут в этот час. Но они обернулись. Дружно, как по команде. Старший, с изрезанным голами суровым обветренным лицом, узнал ее сразу.

– Не буду желать вам доброго утра, ваше высочество, – пролаял он, будто свору гончих спустили. – Пото-му как лично вам ничего доброго оно не предвещает. Спускайтесь. Вы нарушили строжайший запрет, и я вынужден отвести вас к Королеве.

– С меня пинта доброго зля, если ты отпустишь ее и никому об этом не расскажешь, – из глаз молодого Солдата брызнул изумрудный смех.

Стоя на подоконнике, Принцесса покачнулась: сердце ее на мгновение остановилось, а потом пустилось вскачь, взрываясь радостным ярко-зеленым фейерверком. Где-то вдалеке, за гулом этой живительной, искрящийся канонады, она едва различила недовольный лай старого вояки:

– Но это против всех правил...

– Брось, дружище, – весело махнул рукой молодой. – С каких это пор правила для тебя дороже хмеля?

С этими словами он подхватил товарища под руку и легко повел его прочь от дворца. Только раз оглянувшись, метнув в окно библиотеки прощальную изумрудную стрелу.

Вот так они и повстречались. Прекрасная Принцесса и простой Солдат. За раскаленным июлем пришел август, звездный и влажный. Каждую ночь Солдат клал голову на колени Принцессе, их пальцы влюбленно сплетались, и под темными сводами библиотеки оживали трепещущие тени рыцарей и драконов, звенела сталь давно утихших битв, невесомые дамы кружились с кавалерами в бесконечном призрачном танце. Она рассказывала свои волшебные истории, теряясь в его глазах, в этих бесконечных лабиринтах времени. А он жадно слушал и мечтал лишь о том, чтобы никогда не стихал любимый им голос да чтобы утро не изгоняло с неба луну.

Конечно же, Мачеха узнала об этих свиданиях. Не зря же она была колдуньей.

– Тебе я могла бы отрубить голову. Прямо сегодня. Сразу после обеда. Вместо десерта, – заявила она Солдату, брошенному к подножию ее трона. – А тебя, красавица, ждет не дождется далекий северный монастырь. Там, где вечные снега и ледяные ветра превращают сердце в лед. – Мачеха уже было замахнулась, чтобы ударить падчерицу, однако в последний момент отчего-то сдержалась. – Но мы живем в просвещенный век, так что к чему эта средневековая жестокость? К тому же... чему быть, того, как известно, не миновать. Вы хотите быть вместе? Прекрасно! Так докажите, что это действительно так. Докажите, что истинная любовь не выдумка бездарных рифмоплетов, что она действительно существует. Сегодня вечером ты, Принцесса, отправишься на закат, а завтра утром ты, Солдат, уйдешь этой же дорогой, но только на восход. Если вам суждено быть вместе, вы встретитесь в полдень ровно через год на перекрестке у Черного валуна. И я буду первой гостьей на вашей свадьбе. Но если хотя бы один из вас не придет или опоздает пусть всего на пару мгновений – не взыщите, вы проиграли.

Мачеха закрыла глаза и откинулась на бархатную спинку трона, давая понять, что аудиенция окончена...

Чуть позже, крепко-накрепко заперев за собой двери спальни и плотно прикрыв ставни, Мачеха достала из тайника старинную книгу заклинаний. Тонкий пальчик змеей заскользил по рассыпающимся от времени страницам: *Лотерея, Лошадь, Лстец...* нет, все не то... ну, где же,

где... а, вот, наконец-то... *Любовь*. Дальше посмотрим: *приманить...* это не нужно... *убить...* ну-ка, ну-ка, что здесь? Да, оно, оно самое!

Королева устроилась поудобнее и погрузилась в чтение.

«Убить любовь. Уровень сложности – А. Под силу даже начинающей ведьме. Особое примечание: строго следовать рецепту и соблюдать порядок действий.»

Шаг первый. Опойть властью, славой, деньгами. Цель: затуманить разум и притупить добрые, искренние чувства. Результат: любимый образ потускнеет и начнет стремительно таять. Эффективность: 50/50.

Шаг второй. Подсыпать сладострастия. Цель: изжить душевное тепло, подменив его испепеляющим жаром плоти. Результат: горстка блеклого пепла вместо дорогих воспоминаний. Эффективность: 75/25.

Шаг третий. Отравить сомнениями. Цель: вырвать с корнем последние ростки любви, ибо нет ничего губительнее извечных тревожных вопросов: помнят ли меня? Нужен ли я? Дорог ли? Результат: агония сердца, медленная и мучительная смерть от разочарования. Результат: 99/1.

Список ингредиентов см. в приложении №1.

NB! В ходе клинических испытаний обнаружены противоядия: вера и чистота помыслов. Вне лабораторных условий подобные явления не отмечены.»

Королева звонко рассмеялась и захлопнула книгу, отчего в воздух взметнулись едва различимые полупрозрачные пылинки. «Ну все, дорогие мои, *finita la comedia!* Нет на свете той дороги, что бы вас вела друг к другу! В противном случае я искренне поверю в то, что чему быть, того на самом деле не миновать».

На землю уже пал первый снег, когда Принцесса подошла к воротам Города. Массивные дубовые створки чернели траурными маковыми венками – верный признак того, что за воротами беда. На улицах царил паника и неразбериха: плакали женщины и дети, хрипло кричали мужчины, десятки груженных подвод тянулись прочь из Города. Зловонная смерть сочилась из водосточных труб, пробивалась сквозь каменную кладку старинных мостовых. С трудом уворачиваясь от копыт взмысленных лошадей, Принцесса выбралась на большую торговую площадь.

– Что стряслось в вашем Городе, мой господин? – обратилась она к стражнику, смутно напомнившему ей милый образ.

– Беда, миледи, большая беда, – ответил стражник. – На Город напала Черная Хворь. Люди мрут как мухи. А выжившие сходят с ума. Только посмотрите, как беснуются. Герцог приказал жителям покинуть свои дома. Завтра наш прежде цветущий Город будет сожжен дотла.

Принцесса закрыла глаза. Перед ее мысленным взором плавно заскользили корешки книг из отцовской библиотеки. Золотисто-коричневые, иссиня-черные, в кожаных и бархатных переплетах. *Баллады, романсы, сонеты...* нет, все не то... ну где же, где... а, вот, наконец-то... *Снадобья водосточных мудрецов*. Дальше посмотрим: *Водянка, Горячка, Лихорадка...* это не нужно... *Черная Хворь...* ну-ка, ну-ка, что здесь? Да, оно, оно самое!

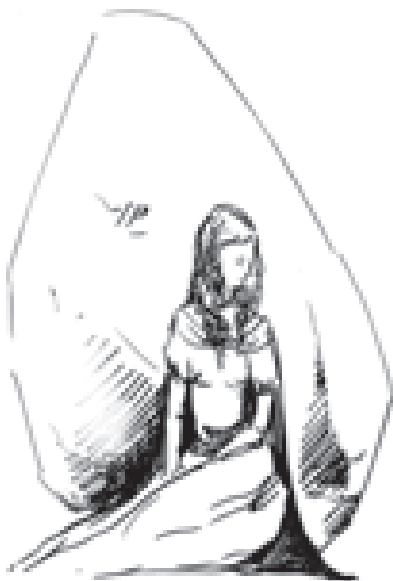
Принцесса открыла глаза и улыбнулась:

– Ведите меня к Герцогу! Я знаю, что делать!

Если бы не глиняная табличка, на которой она каждый вечер ставила

зарубки, отмечая уходящий день, Принцесса давно потеряла бы счет времени. Столько всего случилось за прошедшие месяцы! Когда ее привели к Герцогу, он поначалу и слушать ничего не хотел. Какие лекарства?! Лучшие врачи Города отступили перед Черной Хворью. Неужели она, жалкая бродяжка, мудрее ученых эскулапов? Но Принцесса была настойчива, и в конце концов Герцог махнул рукой, приказав принести этой таинственной замарашке все, что она просит, все эти порошки и горькие травы. К вечеру тем, кто первый попробовал изготовленный ею тягучий, на смолу похожий настой, стало куда легче. Смерть, жадно впившаяся им в горло, ослабила хватку. В эту ночь Принцесса впервые увидела во сне своего Солдата. Он скакал во главе отряда на лихом белом коне. Кругом был огонь, целое море огня, и ярче огня были только его изумрудные глаза...

На следующий день работа закипела с новой силой. В огромных котлах на площади варилось волшебное снадобье. Принцесса едва успевала

раздавать его всем нуждающимся. Ночью ей опять приснился Солдат. Он пировал в кругу храбрых рыцарей, а они славили его удачу и отвагу. В углах тускло мерцала драгоценная добыча, горы добычи.

Черная Хворь бесславно отступила, позволив своим неслучившимся жертвам мирно выздоравливать на руках чудесного знахаря. Город ликовал. В честь Принцессы слагали хвалебные гимны, дети, похожие на ангелочков, устлали ее путь бутонами белых и алых роз. Женщины молили за нее богов. Мужчины готовы были ради нее на любой подвиг. От счастья и незнакомого доселе чувства гордости у Принцессы кружилась голова. И только глиняная табличка, на которой каждый день все прибавлялось и прибавлялось крошечных засечек, напоминала, что пора в путь. Но Герцог и слышать не хотел о расставании. Он осыпал Принцессу подарками, украшая ее головку драгоценными диадемами, а шею – бесценными ожерельями и горячими поцелуями. Он шептал ей слова любви, которых до этого Принцесса не встречала ни в одной книге. Он был горяч и неистов, плавил ее в объятиях, и она не находила сил противиться этой пылкой страсти. Но как бы ни туманился ее разум, зарубки на табличке все прибывали и прибывали. Когда из-под снега проглянули нежные первоцветы, Герцог велел готовиться к свадьбе. В ночь перед венчанием Принцесса вновь увидела Солдата. Его голова покоилась на коленях златокудрой красавицы, и он блаженно улыбался. Солнце еще не взошло, когда Принцесса выскользнула из дворца и навсегда покинула Город.

Ах какими тяжелыми, невыносимыми показались ей последние дни пути! Сомнения разрывали ее грудь острыми, раскаленными добела ког-

тями. Помнит ли он меня? Нужна ли я ему по-прежнему? Дорога ли, как и раньше? Придет ли он в назначенный срок? Принцесса побледнела и осунулась. Ее мучила жажда. Невесомая табличка тяжким пудом оттягивала израненные руки. Глаза застилала кровавая пелена. Сбитых ног она уже не чувствовала. В висках огненными шарами стучала одна-единственная, невесть откуда взявшаяся навязчивая строка: «Но на свете нет дороги, что бы нас вела друг к другу...»

Над раскаленной землей дрожал знойный туман. Огромный Черный валун выплыл из него, как призрачный фрегат, не отбрасывающий тени. Принцесса раскинула руки и побежала, будто тысячи демонов грозились вот-вот настичуть ее, разорвать в ничто. Споткнувшись, упала и поползла, не в силах подняться, едва сдерживая хриплое надорванное дыхание. Потом долго сидела, прислонившись спиной к обжигающему камню. Достала заветную табличку – места для зарубок больше не было. Оглянувшись, обведя потухающим взором безлюдные поля – кругом ни души. Подняла глаза к солнцу: оно медленно и неумолимо приближалось к зениту. Она проиграла. Они проиграли. Еще полчаса, и все будет кончено. Истинной любви не существует. Ее выдумали бездарные рифмоплеты. Разве можно верить тем, кто окропляет ткань жизни ядом красивых и лживых слов? Если она останется жива, чего, к счастью, не случится, она больше никогда не возьмет в руки ни единой книги. Потому что они морок и обман. В последний раз кинула Принцесса угасающий взгляд на далекий горизонт. Над раскаленной землей дрожал знойный туман. А из тумана выростал, стремительно приближаясь, высокий темный силуэт в сполохах изумрудного огня...

Золотой абажур

Клим БУЛАВКИН окончил филфак Орехово-Зуевского пединститута. Преподает философию и культурологию в Московском государственном областном гуманитарном институте. Кандидат филологических наук. Пишет давно. Участник различных литературных объединений. Выпустил несколько поэтических книг. Приведенные ниже стихотворения с согласия автора взяты из его сборника «Сердце тростника» («Книга созвучий»). По словам поэта, «они отражают «историю души» ее создателя». Через поиски слова автор пытается понять, «есть ли высший смысл в том, что мы зовем Жизнью».

Тоска о небывшем

Ни рассказы об острове фей,
Ни предания Родины милой
Не заменят мне ту, что своей
Не назвал я когда-то любимой.

Ни вино, ни чужие стихи,
Где печаль стала звуком застывшим,
Ни шуршание листьев сухих
Не излечат тоску о небывшем...

Но мне дорог сияющий свет
Твоих да в невозможном ответе –
Я люблю только то, чего нет,
То, чего не бывает на свете.

Тайна мира

Есть в Мире неразгаданная тайна,
Есть тишина, что музыкой полна,
Есть под любой поверхностью зеркальной
Бездонная, как небо, глубина.

Есть Пустота, творящая все формы, –
Незримый Мироздания Исток:
Звук тишины прозрачный и просторный –
Одной ладони мудреца хлопок.

Взмах тонких крыл рождает бурю где-то –
Нерасторжима всех явлений связь:
И если есть Мир Красоты и Света,
То есть он и в тебе – всегда, сейчас.

Флейта Бога

Сердце тростника
Плакало от горя:
Властная рука
Срезала под корень,

Твердым острием
Просверлила стебель,
Чтобы воздух в нем
Пел, как ветер в небе.

Изнутри будь пуст,
Как Исток Вселенной –
Стань для Божьих Уст
Флейтою бесценной!

После смерти

Когда уста, почти мертвы,
Прочтут последний стих,
Я стану листьями травы
Для нежных ног твоих.

Когда исчезнут радость, грусть,
Утихнет сердца стук,
Весенним ветром я коснусь
Твоих чудесных рук.

Когда все то, что в нас сбылось,
Вновь обратится в прах,
Я стану отраженьем звезд
В твоих живых глазах –

Чтоб сквозь холодный мрак ночей,
Сквозь тьму вселенских зим
Я мог потоками лучей
Припасть к губам твоим.

Сон звезды

Зачем свет звезд во тьме ночной
Для нас с тобой горит?
Зачем, сражаясь с темнотой,
Он к нам сюда летит?

Звучат фотоны тишины,
Их голос, став лучом,
До нас свои доносит сны.
О чем они? О чем?

О том, как долгод путь во мгле
Среди чужих планет,
О том, что кто-то на Земле
Ждет их далекий свет.

Ночной сплин

Взял какую-то книгу,
Только, видно, не ту:
Позабыв про интригу,
Стал смотреть в темноту.

Походил по квартире,
Сел за стол, чтоб писать,
Вышло строчки четыре...
Отодвинул тетрадь.

А в душе распускалась
Ядовитым цветком
То ли боль, то ли жалость,
То ли память о том,

Что когда-то так важно
Было счесть самому,
Что уже не расскажешь –
Никогда... никому...

Няня Гоша

Анна ЕЛАНСКАЯ – редактор, журналист, автор трех книг. В сфере ее интересов практически все – фотография и живопись, музыка и книги, но главной ее страстью является познание человека, тех особенностей его характера, жизненных обстоятельств, которые формируют яркую, незаурядную личность.

Сегодня мы представляем вам историю жизни, написанную в необычной манере, объединившей интервью, документальный очерк и художественный вымысел. Этот текст родился во Вьетнаме, где автор прожила несколько лет и два из них работала учителем в консульской школе. Там, за тысячи километров от России, судьба наградила ее встречей с удивительным человеком, о котором она не могла не написать именно так.

В консульском городке Хошимина никто не знал ни о необыкновенной судьбе, навсегда связавшей ее с Россией, ни о том, что мадам Нгон награждена двумя орденами: за сопротивление французскому колониализму и за участие в борьбе против американской агрессии. Мы знали ее как няню Гошу и, когда она была во дворе, не беспокоились за своих детей: она и драчунов разнимет, и реву успокоит, и игру для детворы придумает.

...Прошло два года, прежде чем в наших отношениях наступил момент, когда я смогла расспросить, а она захотела доверить мне свою историю. Мадам Нгон Нгуен Тхи рассказывает так, будто перебирает дорогие сердцу фотографии из семейного альбома. А я будто бы беру эти старые снимки из ее рук, вглядываюсь в них, и картины ее удивительной жизни встают перед глазами, складываясь в воображении в кадры документального фильма. Так я и расскажу вам эту историю – «в фотографиях»...

Семейный альбом мадам Нгон

Фото 1. 1946 год. Это мой папа, он был школьным учителем. А это я, мне 13 лет. Рядом братья, старший и двое младших. Мы в джунглях на юге Вьетнама в отряде Сопротивления. 2 сентября 1945 года была образована Демократическая Республика Вьетнам, и, казалось, наша страна наконец стала свободной. Но уже через несколько недель французские войска снова нарушили границу. Президент Хошимин обратился к народу с призывом: «Независимость или

смерть!» В ответ по всей стране стали формироваться партизанские отряды, и однажды папа увел меня с братьями в джунгли, в один из таких отрядов. А мама осталась в тылу: как и многие женщины, работала в Обществе матерей.

Независимость или смерть!

Юную Нгон приняли в агитотряд. Сначала она участвовала в концертных программах – пела, читала стихи. А вскоре, несмотря на то что была самой младшей, именно ей стали поручать наиболее ответственные выступления. Тоненькая, хрупкая, она умела заряжать верой в победу каждого, кто ее слушал. Здесь, в дельте Меконга, Нгон работала, ходила в школу, училась ничего не бояться, быть нужной людям и своей Родине. «Независимость и смерть!» – вся страна жила этим чувством, и Нгон ощущала себя маленькой капелькой в огромной волне всенародного протеста.

Фото 2. Это 48-й год. Меня направили работать на радио. Здесь я с микрофоном – читаю текст. За спиной у меня стоят гитарист, скрипач и аккордеонист. Наше радио говорило на вьетнамском, китайском, кхмерском, английском и французском языках, и пока дикторы, сменяя один другого, готовились к выступлению, музыканты исполняли патриотические мелодии.

Каждый эфир – экстремальный

Днем они писали тексты, а вечером выходили в эфир. Устраивались где-нибудь во дворе деревенского дома, работали под открытым

небом. Мадам Нгон смеется: «Звучу нас был самый что ни на есть живой: бывало, что в прямой эфир шли и плач ребенка, и лай собаки, и свист снарядов – такое вот оригинальное звуковое сопровождение».

Генератор размещали на лодке. Так его очень быстро можно было в случае необходимости перевезти в безопасное место. Работали в эфире непрерывно не более получаса, чтобы передатчик не засекли. Под угрозой бомбежки были не только они, сотрудники радио, но и приютившие их люди.

Каждый ее эфир был экстремальным – то по колено в воде, то облепленная москитами, то вся в слезах от разъедающей глаза антикомариной дымовой завесы... В любых условиях надо было делать свою работу хорошо и еще не погибнуть под обстрелом или бомбежкой.

Они пускали помехи, выдерживали паузы и повторяли выпуски еще и еще раз: их голос должны услышать как можно больше людей. Это надо Родине.

Ей было всего 15. Она работала по 24 часа в сутки. Питалась рисом – несколько горстей в день, иногда – рыбой. Жизнь ее каждую секунду висела на волоске. А она рассказывает об этом с улыбкой, легко и без всякого намека на свой героизм: так жили все...

В 17 Нгон приняли в партию. А когда ей исполнился 21, война закончилась. В 1954 г. было заключено Женевское соглашение, и начался постепенный вывод французских войск с юга. Но Нгон в это время была уже очень далеко – на севере...

Фото 3. Я в студии «Голос Вьетнама» в Ханое. Сюда, на главную радиостанцию страны, меня направили после победы освободительной войны на юге. Здесь определился

окончательно мой профессиональный путь, и здесь, вдали от родного дома, я встретила со своим будущим мужем. Он (тоже, кстати, южанин) работал редактором на радио.

Требуется диктор

В 1955 году из Радиокomiteта СССР в Ханой пришел запрос: требовался диктор – женщина с южно-вьетнамским произношением. Запрос этот был адресован как будто лично ей, Нгуен Тхи Нгон. А она к тому времени была уже замужем и ждала ребенка. В 1956 году, когда кандидатуру Нгон утвердили во всех инстанциях, ее сынишке было 3 месяца.

Командировку оформили на нее одну. И не оказавшись у Нгон друзей, которые сообщили наверх о ее семейных обстоятельствах, она без колебаний оставила бы своего малыша и мужа и уехала в далекую Москву выполнять очередное ответственное задание Родины. В ее жизни всегда главным было чув-

Няня Гоша с русскими детьми.
Фото из архива автора

ство долга – сначала перед страной и перед партией, только потом перед семьей. Но, к счастью, такой жертвы не понадобилось: им разрешили ехать вместе!

Фото 4. Это ноябрь 1956-го, мы на вокзале, садимся в поезд до Москвы. Конечно же, нам сказали, что там очень холодно, снег, и мы, как могли, подготовились к новым климатическим условиям. Мне в Ханое сшили на заказ самое теплое пальто. Когда мы через 11 суток вышли из поезда на перрон московского вокзала, встречавшие нас коллеги пришли в ужас от нашей бутафорской экипировки и первым делом повели в ЦУМ – одеваться в настоящую зимнюю одежду.

Говорит Москва

Целых 6 лет о событиях во всем мире Родина узнавала от нее, Нгуен Тхи Нгон. 6 лет без выходных, отпусков и больничных каждый день она работала три эфира. Что бы ни происходило, какие бы заботы и проблемы ни тревожили Нгон, ее голос в эфире звучал неизменно ровно, спокойно и уверенно. Ей очень помогали коллеги, но важнее и дороже всего были любовь и поддержка мужа – он всегда был рядом.

Фото 5. Так выглядел проспект Вернадского в 1957-м: сплошная стройка. В одном из наполовину заселенных недостроенных домов нам выделили квартиру на 7-м этаже. Как-то вечером мы вышли прогуляться и не нашли обратной дороги! Кругом все дома одинаковые, кое-где светятся окна, а на улице темно, холодно...

Как молоды мы были...

В эти годы она была очень-очень счастлива, хотя трудностей было предостаточно.

Уже через полгода она, не зная ни слова по-русски, стала довольно сносно объясняться с коллегами-москвичами и училась писать.

У нее постоянно болела душа за сына: малыш так нуждался в материнской ласке, а у нее работа каждый день с раннего утра до позднего вечера. И вот у сына появляется «вторая мама» – няня Маруся, студентка техникума из Белоруссии, с которой они переписываются до сих пор.

Мадам Нгон говорит, что материально они жили в Москве очень даже неплохо. Она получала 180 рублей, 60 из них платила няне, но и того, что оставалось, им троим вполне хватало.

Фото 6. Это я рядом с великим Пушкиным. Этот памятник для меня живой и очень близкий: я часто проходила мимо, останавливалась и иногда говорила с ним...

Мечта

Когда она подумала об этом в первый раз, даже испугалась сначала: «Да о чем это я, этого же не может быть!» Но Мечта не уходила, наоборот, из робкой надежды, из пульсирующей точки-мысли становилась почти осязаемой.

...Нгон учила русский на работе и три раза в неделю брала уроки у профессионального педагога. Ее одержимость, упорство, граничащие с фанатизмом, изумляли всех вокруг. Через два года она, имея за плечами несколько классов вьетнамской школы, из них два года она проучилась на войне, в джунглях, решается на второй шаг и вновь побеждает: ее принимают сразу в 6-й класс московской школы рабочей молодежи. Теперь Мечта становится реальной целью: она хочет стать режиссером

на радио. И уже твердо знает, что сможет это сделать.

Школа находилась на Пушкинской площади, и теперь она виделась с Поэтом два раза в день: в шесть вечера торопливо пробегала мимо на занятия. А возвращаясь в час ночи, часто останавливалась и... читала ему стихи. Она вообще убеждена, что с Пушкиным каким-то образом связан каждый человек на Земле. Есть такая особая связь с великим поэтом и у нее, Нгуен Тхи Нгон. Вот поэтому она поделилась с ним сокровенным: «Я буду режиссером!» Поэт приветливо посмотрел на нее и одобрительно склонил голову...

Не сделать решающий, третий шаг Нгон уже не могла. Она экстерном сдает экзамены на рабфаке и поступает в институт, причем приятно удивляет приемную комиссию на творческом конкурсе: столь убедительно и уверенно выступает в качестве начинающего режиссера-постановщика русской пьесы.

Но через шесть месяцев после поступления в институт ее отзывают назад, в Ханой: срок командировки закончился. Впервые в жизни она отбрасывает в сторону все условности и забывает о табу, она не хочет подчиняться и отчаянно борется за себя: умоляет отправить домой семью и оставить ее доучиться, обещает освободить место на радио и не просить никакой материальной поддержки, клянется отработать этот «долг» на любых условиях, убеждает, что ее знания будут очень полезны на Родине. Но...

Она так и не поняла, за что ее так наказали. Обида и боль с тех пор навсегда с ней, но она сумела поселить их в самом укромном уголке своего сердца и начала

жизнь сначала. Хотя это было безумно трудно.

В Москве мадам Нгон была еще раз – в 1959-м, на повышении квалификации. О том, что она чувствовала тогда, я не решаюсь спрашивать...

Фото 7. Вьетнамский мальчик гордо сидит за партией и показывает раскрытую тетрадь с пятеркой. Рядом с ним в классе – русские детишки. Малыш улыбается, но в глазах его какая-то недетская грусть...

Сын: чужой среди своих

Она была готова к тому, что у сына будут проблемы, но удар оказался сильнее, чем она ожидала. 6-летний малыш был здесь, на Родине, чужим – изгоем. Его, свободно говорящего по-русски, но не знающего родного языка, не приняли в школу. Сверстники сторонились его и не принимали в свои игры. Сын из жизнерадостного и общительного мальчугана превращался в угрюмого, раздражительного, плаксивого маленького старичка. А Нгон винила во всем себя, ведь это она обрекла своего мальчика на эти страдания.

Она нашла выход: устроила сына в школу при Посольстве СССР. Он проучился там полтора года. И параллельно, конечно, усиленно учил родной язык. Жизнь налаживалась, но внезапно вспыхнувшая война в одночасье уничтожила достигнутое таким трудом благополучие и вместе с ним все планы на будущее. Их эвакуировали, и сын пошел в обычную вьетнамскую школу. Но с русским языком, с Россией он, как и его мама, уже не расстанется никогда, тем более что в своей стране он так всегда и будет «немножко иностранцем».

Сын Нгон окончил пединститут – отделение русского языка, ездил на стажировку в Москву, учил вьетнамских студентов в педучилище, работал при российском консульстве в Хошимине.

Он очень любит свою маму, жену и сына, а еще – русскую музыку, особенно эстраду.

Фото 8. 1964 год. Я, как всегда, с микрофоном, и опять наша радиостудия работает в военном режиме...

Руки прочь от Вьетнама!

В антивоенных музеях Вьетнама до сих пор бережно хранятся транспаранты с таким текстом – по нашей стране тогда прошли тысячи демонстраций и митингов против американской агрессии, в защиту независимости вьетнамского народа.

Бомбежки, обстрелы, изуверские способы уничтожения мирного населения, от которых содрогался весь мир, – этот жуткий кошмар висел над Вьетнамом 10 лет. Нгон и ее коллегам было еще страшнее – они знали об этой войне гораздо больше, чем их слушатели. Им надо было превозмочь свой ужас, удерживать в себе эту боль, не терять уверенности и убеждать, что победа придет. Нгон, профессионал высокого класса, умела это делать.

Так, в постоянном страхе потерять близких и любимых, прошли эти 10 лет. А в 1975-м Вьетнам ликовал и праздновал победу. Советские люди искренне разделяли радость своих вьетнамских братьев и сестер.

А для Нгон вновь началась полоса испытаний на прочность: вместе с победой пришел долгожданный для многих час возвращения из эвакуации на малую родину. Для семьи

Нгон это был юг страны. Ее пока не отпустили с работы, сын учился в институте, а вот муж должен был уехать в Сайгон. Судьба разлучила их на целых 6 лет.

Фото 9. Только в 1981 году мы обнялись после долгой разлуки. Наконец-то все дома и все вместе!

И жизнь, и слезы, и любовь...

В 1981 г. для Нгон подобрали работу в Сайгоне – переводчиком в Генеральном консульстве СССР, и они с сыном тоже смогли вернуться домой. Муж Нгон был редактором газеты «Сайгон-май» («Освобождение»). Так прошли еще 7 лет – непривычно размеренных на фоне всей ее прошлой жизни. Она была под стать этой жизни – спокойная, невозмутимая, собранная и деловитая. Когда внезапно скорострительно скончался муж, соседи долго не могли разыскать ее – она была на важных переговорах. На следующий день, как обычно, ровно в 9 часов Нгон была на службе. О ее трагедии не узнал никто.

А в 1988-м, в один из обычных рабочих дней, мадам Нгон вызвали в отдел кадров, поблагодарили за честный самоотверженный труд и сообщили, что в ее услугах больше не нуждаются: 55 лет – пенсионный возраст. Формальности заняли часа два – все официально, сухо, по-деловому...

Без работы она не осталась: Нгон тут же пригласили в Торгпредство СССР и не могли нарадоваться, что приобрели такого ценного работника. Когда торгпредство закрылось, она в течение двух лет переводила фильмы в Доме советской науки и культуры. Потом оборвалась и эта ниточка, связывающая ее с Россией: дом прекратил свою работу, и тогда Нгон – в кото-

рый уже раз – нашла в себе силы начать все сначала...

Наша Гоша

Фото 10. Здесь я с моими дорогими девочками – Катей и Дашей. Они называли меня бабушкой или няней. Их родители очень много работали, как я когда-то, и я почти постоянно была с моими «внучками». Сейчас они в Москве. Как же я по ним скучаю!

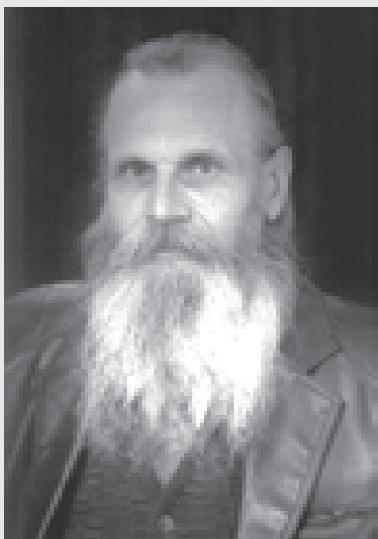
«Здравствуйте, дорогие Вика, Сергей, Даша и Катя...», «Горячий привет вам из Вьетнама, Марина, Юра и Дашуля...», «Скучаю без вас, Ирина, Сергей, Сашенька и Леша...», «Как вы там, Анна, Сергей и Ксюшенька?» – мадам Нгон передает в Москву своим русским друзьям письма и небольшие посылки при каждой оказии. Она пишет каллиграфическим почерком и без единой ошибки. Письма подписывает так: «Ваша Гоша».

Няней Гошей (русские женщины придумали ей это имя: Нгон – Гоша, она и не возражала) Нгуен Тхи Нгон стала по зову сердца: во-первых, не могла сидеть без дела; во-вторых, ей очень хотелось быть поближе к русским, в-третьих... с возрастом пришло к ней то особое понимание жизни, которое доступно только детям и старикам и так их роднит. Наверное, это то, что принято называть зрелостью и мудростью. Очень хочется, чтобы и вы ощутили то тепло к людям, ту огромную любовь к России, которые всю свою жизнь несет в сердце эта удивительная вьетнамская женщина. В этой любви – все ее счастье...

Будьте здоровы, дорогая няня Гоша!

Хошимин (Сайгон) – Москва

Забывтый классик

Леонид АНДРЕЕВ и вправду забытый классик. Родился в 1942 году. Родители были репрессированы. Воспитывался в Касимовском детском доме, окончил ремесленное училище в Челябинске. Вся юность прошла в скитаниях по стране: он работал на стройках, заводах, в геологических партиях, плавал матросом по Енисею.

С 1958 года стихи Андреева стали регулярно появляться на страницах газет, альманахов, журналов, в том числе в «Юности». С восхищением о них отзывались Михаил Светлов, Давид Самойлов и многие другие мэтры. В 1961 году подборка стихов Леонида Георгиевича была опубликована в коллективном сборнике «И снова зовет вдохновение», где вместе с ним дебютировали Николай Рубцов и Александр Кушнер. Писал Андреев и стихи для детей. В 90-е поэт публикуется под псевдонимом Леонид Селижаров.

Предлагаемые вашему вниманию стихи являются частицей объемного и сложного произведения «Русская Аватара», вышедшего ограниченным тиражом, и печатаются с согласия автора.

Лицо родное

Увидеть на поляне летней
Сквозь сетку поредевших веток
Лицо травы тысячелетней,
Едва колеблемое ветром.

Отпрянуть вдруг от непривычной
Догадки средь лесных видений,
Что в мире нет вещей безличных,
Существ безличных и растений.

Как Матери Лицо Родное –
Лицо полей, лицо лазури:
У васильков – лицо покоя,
У туч – лицо грозы и бури.

Как перемена настроений –
Стыдливых, радостных, унылых –
Игра живая выражений
Неисчислимых лиц и милых.

Летний вечер

Остывают сосны на горе,
Птицы улетели.
Сердце приближается к заре –
Как к последней цели.

В то же время где-то в тишине,
Монолитной, летней,
Что-то удаляется во мне
За предел последний.

Полет листа

Лист изумрудно-золотой,
Сверкнув пунктирной чертой,
Упал и словно бы повис:
Лишь Время опустилось вниз, –
И обозначились черты
Первоначальной Пустоты.

Пробуждение

Едва проснусь – и слушать стану,
Как трется липа о крыльцо,
Покуда вкось сквозь щели ставен
Не ляжет солнце на лицо.

И я когда окно открою,
Увижу дальние леса
И вдруг поверю, что порою
Бывают в Мире чудеса.

Все краски, что земля скрывала,
Ударят ярко по глазам...
Ведь оттого чудес так мало,
Что мы не верим чудесам.

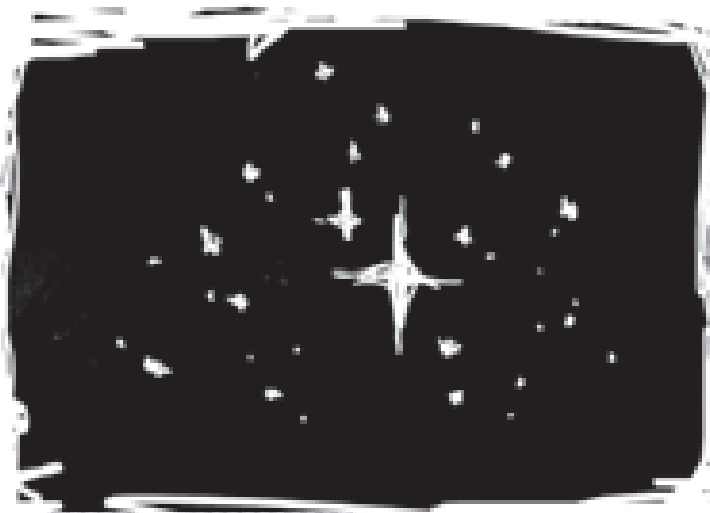
Утренник

Как будто свет прошедшей ночи,
Зеленоватый нежный иней,
Слепя внимательные очи,
Лежал на лиственнице синей.

Я пригляделся к паутине:
О, как она заиндевела!
Паук, уснувший в середине,
Замерз и стал снежинкой белой.

Все стало музыкой белой:
Как будто каждое растенье
Сверкало тихо и звенело
От взгляда и прикосновенья.

И птицы пели, задыхаясь
От свежести невероятной, –
И вся гармония, весь хаос
В аккорд сливались необъятный.

О мастерстве

1.
Ты весь Оркестр – от арф до труб –
Перескажи движеньем губ.
Как Дирижер, ты каждый Звук
Изобрази движеньем рук.

Чтоб Букву каждую и Слог
Ты подержать в ладонях мог,
Попробовать на вкус и цвет –
И Слово вынести на Свет.

2.
Перегори в себе дотла.
И лишь в Последний Миг впервые
Пойми, чем для тебя была
Стихорожденная Стихия.

Сумей себя осуществить,
Чтоб после ничего не править,
Чтоб додышать и долюбить –
И не убавить, не прибавить.

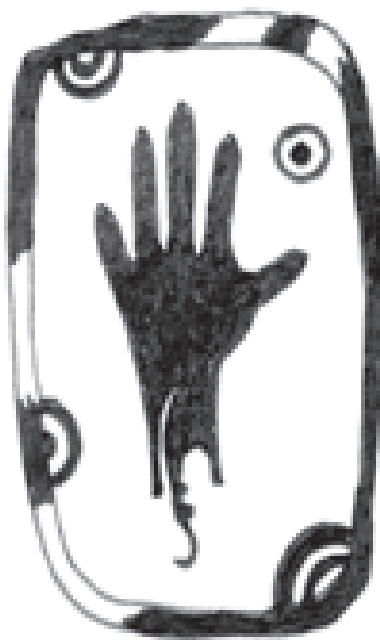
Детский взгляд

Елена УСАЧЕВА окончила Московский педагогический государственный университет им. Ленина, Литературный институт им. М.Горького.

Писала сценарии для передачи «Спокойной ночи, малыши!», два года проработала в школе учителем русского языка, сотрудничала с газетами и журналами.

С 2002 года издается в издательстве «Эксмо». В серии «Страшилки» вышли книги: «Призраки волчьей бухты», «Страна восковых фигур»; в серии «Кошмарики» – «Любовная записка с того света», «Утопленник с приветом», «Сборная команда жути»; в серии «Летний роман для девочек» – «Каникулы любви», «Лето моих надежд», «Мой лучший роман» и многое другое. Автор нескольких детских детективов, сказок и сценариев для анимационных фильмов.

Правая красная рука

Мама пугала Петю красной рукой. Мол, не будешь спать, она прилетит и задушит. Петя специально полночи тарасил глаза, чтобы не пропустить прилет руки.

Красная рука бесшумно просочилась сквозь щель в форточке и зависла над Петей.

– Бить будешь? – прошептал Петя, чувствуя неприятный холодок в затылке.

Рука шевельнула пальцами. Хрустнули суставы.

– Глазки выковыривать? – пожегилась Петя.

Красные пальцы сложились в кулак.

– Неужели душить? – Петя сглотнул и на мгновение пожалел, что не уснул.

Пальцы разжались, и рука полетела к столу.

– А ты правая рука или левая? – закричал Петя, с ужасом понимая, что теперь-то все пропало.

Зашуршали страницы.

Утром в дневнике Пети появилась новая запись: «Не спал после полуночи. Родителям принять к сведению».

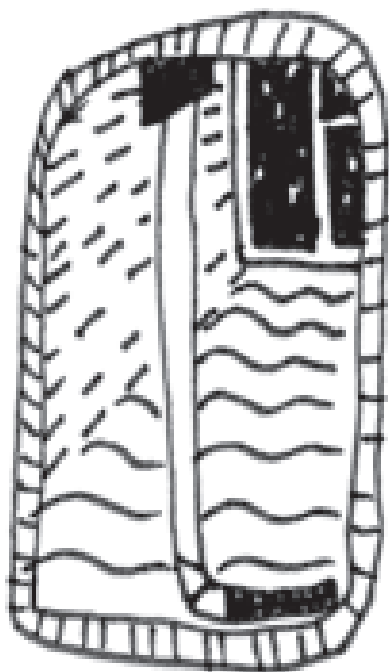
Мальчик Костяная нога

Одноклассники все время дразнили Колю и обещали, скоро за ним придет страшная баба с костяной ногой и утащит его на кладбище.

Сама баба за ним прийти не смогла и прислала внука. У него была такая же костяная нога, и она так же здорово скрипела.

Пришел внук ночью, Коля только-только уснул. А когда он засыпал, его хоть из пушки буди, ни за что не добудишься. Внук и надухом у Коли скрипел, и сквозняком в затылок дул, и одеяло сдергивал, и шторой шевелил, и под кроватью вздыхал, и даже пару кошмаров ему в сон наслал. Но Коля продолжал спать. Внук так устал пугать Колю, что сам уснул в тапочках. Так они оба проспали до рассвета. А утром после короткого объяснения внук с Колей подружились. Коля скормил внуку свою манную кашу и килограмм сахара в кубиках. Внук рассказал несколько свежих, леденящих кровь историй. Потом они вместе пошли в школу.

Больше одноклассники Колю не трогают. А если кто-нибудь по забывчивости толкает его или что плохое говорит, рядом тут же оказывается внук. Он нежно улыбается и поскрипывает ногой.

Храбрая Маша

В детстве Машу одноклассники все время пугали: Черным пианино, и она перестала ходить в музыкальную школу; Красной рукой, и она никогда не покупала красные перчатки; Оранжевой простыней, и она начала спать на голом матрасе; Зелеными глазами, и она перестала заглядывать в лица людей; Фиолетовыми человечками, и она не выходила теперь на улицу в сумерках; Гробами на колесиках, и она обегала кладбища за три квартала; Старухой на костяной ноге, и она вообще перестала выходить из дома одна, чтобы случайно не встретиться с консьержкой. Так Маша и жила, пока не выросла. А выросла, пошла работать полицейским. И больше никого не боится. Теперь все боятся ее.

Альфис ГАЯЗОВ, пожалуй, самый известный из наших авторов. Доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, наконец министр образования Республики Башкортостан с марта прошлого года. До того прошел путь от младшего научного сотрудника Бирского педагогического института до директора Института педагогики Башкирского государственного педагогического университета. Тем

удивительнее, что стихи министра отличаются проникновением в детскую психологию с ее непосредственностью и простодушием.

Протест против теста

Выражаю я протест:
Что за мода – школьный тест?

Наше знание предмета
Сведено к игре простой:
Вместо длинного ответа
Выбор дан нам лишь пустой.

А что делают друзья –
Подсмотреть, понять нельзя!
Невозможно подсказать
И совсем нельзя списать!

Дайте нам все варианты –
Сочинения, диктанты,
И экзамен, и зачет,
Дайте творческий отчет,
И вопросы, и билеты.
Каждый будет только рад
Написать вам реферат!

Вот тогда, вы мне поверьте,
Будут классные ответы!
Так примите мой протест –
Не всегда возможен тест!

Семья, сорока и стол

Цифру «семь» я часто вижу,
Знаю букву «я», друзья.
Почему тогда не пишу
Просто «7» и букву «я»?

И сороку часто слышим,
И рисуем мы всегда.
Почему же мы не пишем
Рядом сразу 40 «а»?

Если 100 «л» рядом дружно,
Получается же «стол»?
Только то, что это верно,
Я доказывать устал!

Как бы просто это было,
Как бы стало нам легко:
Если б мы писали смело
Цифры, буквы – все рядком!

Это сделал я в диктанте,
Только был не понят я!
Так что уж не повторяйте
Вы ошибку ту, друзья!

Спасите наши души

Петр КУЗНЕЦОВ любит подписываться псевдонимом Петр Любестовский, образованным от названия деревни Любестово на Смоленщине, где он родился. По образованию юрист, подполковник в отставке. Живет на Брянщине, в городе Сельцо. Работает учителем истории и права в школе-интернате. Автор пяти сборников прозы. Его повести и рассказы публиковались в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «Молодая гвардия», «Север», «Сельская новь» и других. Давний автор «УГ», один из призеров последнего конкурса «Литературное творчество читателей».

Ветки плачущих берез

Рассказ

Февральская вьюга бушевала всю ночь. Зима, словно спохватившись, что ее время уходит, пришла в неистовство, стремясь показать приближающейся весне, что до ее кончины еще далеко. За ночь сельские улицы основательно перебило снегом. Деревенские избы и сады по пояс утопи в сугробах.

Анатолий Дерябин, тридцатипятилетний кряжистый мужик с крупным волевым лицом и открытым взглядом небесно-светлых глаз, встал чуть свет и принялся расчищать широкой деревянной лопатой дорожку в сугробе, по которой рано утром жена Надя, учительница младших классов, и их сыновья-погодки, Павлик и Костик, побегут в сельскую школу.

Анатолий трудился в поте лица, старался изо всех сил, чтобы угодить жене и тем самым смягчить свою вину. Вечером он, не желая того, повздорил с Надей и теперь искал пути примирения.

Накануне Наде позвонил отец из Медыни и пригласил в ближайший выходной все их семейство на свой шестидесятилетний юбилей. Анатолий, узнав о приглашении, отказался ехать наотрез:

– Заявляю сразу – я не поеду. У меня нет денег на подарок.

– Возьмем в долг, потом рассчитаемся, – предложила Надя.

– Нет, мне рассчитываться нечем. Твои родители знают, что я не

работаю – нахожусь у тебя на иждивении. Мне стыдно смотреть им в глаза...

– Ну как хочешь. Тогда я поеду с детьми, а ты сиди дома...

Анатолий уже год как не работал. Строительную бригаду, с которой он шабашничал в Москве, в последний раз кинули – оставили без копейки, и она распалась. Нового адреса для работы в столице Анатолий найти не мог, а в селе работы не было. Глава семьи занимался домашним хозяйством, но чувствовал себя не в своей тарелке. Семья жила скудно на скромную учительскую зарплату, и виновником всех бед Анатолий считал себя, неудачника по жизни, оказавшегося ненужным в этом медвежьем углу.

Чтобы заглушить душевную боль, Анатолий нередко уходил к своему школьному другу Мишке Курилову, такому же бедолаге, оказавшемуся за бортом новой жизни. Мишка был неважный хозяин, и ему всегда требовалась помощь. Анатолий охотно помогал другу, зная, что после завершения работы они пропустят по рюмке-другой крепкого куриловского самогона, который гнала на продажу его предприимчивая жена Наталья.

– Нам ли до выпивок! Надо думать, как детей поднимать, – раздумляла мужа Надя, недовольная визитами Анатолия к Куриловым. – Дома работы полно, а ты другим

стараешься помогать. Особенно тем, кто рассчитывается стаканом самогона. Какой пример ты подаешь сыновьям?

Анатолий не перечил жене, признавая ее правоту. Всю работу по дому он старался взять на себя. Когда Надя приходила из школы, дома уже был полный порядок: скотина ухожена и накормлена, обед приготовлен, в комнатах и во дворе все прибрано. Надя была довольна. Ну а то, что живут бедно, так это временно. Полстраны так живет. Можно потерпеть. Другим приходится еще хуже...

Утром разговора с женой не получилось. Надя, наскоро одевшись и перекусив, побежала вслед за сыновьями в школу. Вернулась ближе к обеду с охапкой тоненьких березовых веток, подобранных у дома на снегу.

Прямо перед окнами их деревянного дома росли три развесистые березы. Кто и когда их посадил, хозяева не знали. Этот домик Дерябины приобрели после женитьбы, когда Надя окончила пединститут и приехала учительствовать в Приозерскую школу. Здесь ее и приметил механик районной сельхозтехники Анатолий Дерябин.

Березы были старые. Стволы их потемнели от времени, кора загубела и потрескалась от жары и холодов. Ветви берез были длинные и хрупкие. От снега и февральского ветра их тонкие концы ломались и падали на сугробы. Возвращаясь из школы, Надя собирала обледеневшие ветки с маленькими тоненькими шишечками на кончиках и приносила в дом, где опускала их в ведро с водой. А когда ветки, согревшись от домашнего тепла, оживали и начинали «плакать», Надя распределяла их по вазам с водой и ставила на окна с солнечной стороны.

Вскоре на ветках набухали почки, а потом из распускающихся почек появлялись маленькие клейкие изумрудные листочки, наполняя комнату свежим, радостным, пьянящим запахом. Под окном еще лежал снег, а дома наступала весна. Глядя в окно, Надя думала, что скоро и за окном наступит весна, оттаеет земля, березы наполнятся соком, а обломанные ветки начнут плакать и будут тихо ронять свои слезы на ожившую землю...

Вот и на этот раз она воткнула в вазы с водой тонкие влажные ветки и расставила их на подоконнике. Потом долго стояла у окна, пристально всматривалась в даль, о чем-то напряженно думая...

Когда ребята вернулись из школы, Надя усадила их за стол и сказала:

– Кушайте поскорее. Нам пора отправляться в дорогу. Коль папка не хочет ехать – без него обойдемся. Пусть управляет с хозяйством. Я заняла денег, чтобы в городе купить дедушке подарок. Думаю, он будет доволен...

Шестиклассник Павлик и пятиклассник Костик давно не видели дедушку с бабушкой. Быстро проглотив обед, они с радостью вскочили из-за стола и стали одеваться.

– Надя, путь неблизкий, мороз крепчает, к тому же дороги перебило, – подал голос Анатолий. – Оставь сыновей дома и съезди одна...

– Ничего. Как-нибудь прорвемся...

– Тогда я вас провожу, – сказал Анатолий.

– Обойдемся без провожатых, – буркнула Надя.

– Ну как знаешь...

К двум часам дня Надя с детьми была уже на остановке автобуса, расположенной на окраине Приозерска. Остановка была пуста. Надя отметила про себя, что шоссейная дорога в город занесена снегом.

Еще издали она заметила машину главы сельской администрации Вадима Шкаликова, пробивающуюся сквозь сугробы по сельской улице. У автобусной остановки узик затормозил. Шкаликов открыл дверцу.

– Надежда Николаевна, в Медынь собрались? Автобус сегодня в город не пойдет. Дорогу перебило, а чистить нечем – грейдер сломался...

– Ну, что будем делать? – обратилась Надя к сыновьям.

– Мам, поедем. Дедушка и бабушка будут ждать, – жалобно попросили ребята.

– На чем? – задумчиво посмотрела на сыновей Надя. – Если только пешком пойти на Даниловку, а из Даниловки на маршрутке до Медыни. Но дорога до Даниловки дальняя – верст девять через голое поле. Вы не осилите.

– Осилим, мама, – заверили ребята. – Пойдем...

Дорога на Даниловку уходила из другого конца села.

Проходя мимо своего дома, Надя внимательно всматривалась в окна, надеясь увидеть мужа, который, возможно, удержит или даст дельный совет, но увидела только темные березовые ветки на подоконниках...

В Даниловку вела узенькая тропка через большое поле, по которой можно было идти лишь гуськом. Кое-где тропку затянуло поземкой. Далеко вдали виднелись темные шапки голого кустарника – защитные полосы из молодой посадки. В поле дул холодный ветер.

– Поднимите воротники курток и идите за мной шаг в шаг, – дала указание сыновьям Надя. – Если устанете – сразу скажите.

Более двух часов они были в пути. Стало смеркаться, когда вдали за снежной пеленой показались деревенские избы.

– Устали бедняжки, – сочувственно сказала Надя, обнимая сыновей. – Сейчас пойдем в сельский магазин, немного подкрепимся, погреемся. И там подождем маршрутку.

На бетонном столбе у магазина висело расписание движения маршруток. Надя посмотрела на часы. По расписанию маршрутка должна была проследовать через час.

Надя купила детям пачку печенья и два глазированных сырка. Те устроились в углу на ящиках, немного подкрепились.

Надя обратилась к продавцу, чернявой женщине средних лет:

– Маршрутка на Медынь регулярно ходит?

– Да, но это будет последний рейс. Зимой они ходят реже. Не прозевайте.

За четверть часа до рейса Надя позвала детей на улицу. Остановились у столба, на обочине дороги. Мороз крепчал. Мела поземка. Ребята с головой укутались в куртки и пританцовывали, чтобы не окоченеть. Так прошло полчаса. За это время все трое основательно продрогли. Но маршрутки все не было. Надя уже хотела вести детей назад

в магазин, но неожиданно увидела вдали спасительный свет приближающихся фар.

– Кажется, идет, – подбодрила она ребят.

Это действительно была маршрутка. Надя заранее подняла руку. Однако маршрутка, не снижая скорости, промчалась мимо.

– Вот те раз, – разочарованно сказала Надя, обращаясь к приунывшим сыновьям. – Сплошная невезуха. Пойдемте снова в магазин – погреемся, а заодно подумаем, что нам делать дальше.

Продавец удивленно вскинула черные брови:

– Вы разве не уехали?

– Маршрутка прошла, но почему-то не остановилась, – уныло произнесла Надя. – Ума не приложу, что нам теперь делать?

– Думаю, что другого рейса уже не будет, – сочувственно сказала продавец.

Около часа Надя с детьми находилась в магазине, периодически выходя на дорогу, но маршрутки так и не было.

– Мне пора закрывать магазин, – сказала продавец. – На том краю деревни есть еще один продовольственный магазин, который работает до десяти. Могу показать дорогу...

– Нет, мы еще подождем. А вдруг придет маршрутка, – сказала Надя.

– Дело ваше, – сказала продавец и ушла.

Они стояли еще битый час. Редкие прохожие смотрели на них с недоумением. В деревенских окнах призывно светились оранжевые огоньки.

– Не будет маршрутки, – безнадежно произнесла Надя. – Вы замерзли. Надо проситься на ночлег. Переночуем, а завтра утром поедем в Медынь.

Ребята немного приободрились и живо поспешили за матерью к ближайшей неказистой избе, в которой тускло светился огонек.

Надя робко постучала в дверь. Ей не ответили. Надя подошла к окошку, задернутому занавеской, осторожно постучала согнутым пальцем. Раздался болезненный голос старухи:

– Не могу открыть. Сын ушел и запер дверь. А я не встаю...

Надя повела детей к соседнему добротному дому. Однажды она с мужем заходила в этот дом – Анатолий, похоже, знал хозяина. На стук вышел хозяин и сквозь дверь грубо спросил:

– Чего надо?

– Я с детьми из Приозерска. Добираемся в Медынь. Маршрутка прошла мимо. Пустите, пожалуйста, погреться, переночевать, – выпалила Надя.

– У меня полон дом народу. Идите проситесь к другим. Деревня большая.

Надя знала, что этот крепкий мужик, по прозвищу Барон, живет вдвоем со своей дородной женой. «Почему не открыл? Боится, что огрывают? Вот кулацкое отродье, детей не пожалел», – размышляла Надя, стоя на крыльце.

– Постучимся еще в одну избу. Вдруг повезет, – сказала она сыновьям.

В избе долго не отвечали. И только когда Надя настойчиво постучала в дверь ногой, на крыльцо вышел бородатый мужик и с удивлением посмотрел на непрошенных гостей. Узнав, что они хотят, недобро буркнул:

– Здесь вам не ночлежка, – и закрыл под номером 32 у детей дверь.

Уходя, Надя видела, как из-за

оконной занавески выглянула женщина и, увидев ее с детьми, быстро задернула занавеску.

– Ну что, – сказала озябшим детям Надя, – выход один: идти назад домой. Иначе ооченеет. А в пути будет тепло. Только бы с дороги не сбиться... Павлик, попробуй связаться с отцом, – протянула Надя старшему сыну мобильный телефон, – попроси, чтобы встретил нас...

Мальчишка набрал нужный номер, но дозвониться не смог.

– Мама, с папкой связи нет, – сообщил Павлик. – Я буду пробовать еще...

Они шли долго. Мороз немного спал, но началась метель, и она все усиливалась. Холодные горсти снега хлестали по лицу, застилали глаза, вышибали слезу.

Надя обратила внимание, что лесополоса, которая должна находиться на приличном расстоянии от дороги, значительно приблизилась. «Неужели сбились с дороги?» – с ужасом подумала она.

Она остановилась, попыталась вернуться назад и отыскать дорогу. И тут Костик пожаловался:

– Мама, мне холодно. Я очень устал...

– Давайте немного отдохнем, – предложила Надя.

Она растегнула свое пальто, прижала Костика к груди и присела на снег.

– Мама, в метель нельзя садиться на снег, чтобы не уснуть, – сказал Павлик.

– Мы немного, самую малость отдохнем и пойдем дальше, – сказала Надя.

– Я попробую снова связаться с отцом, – сказал Павлик. – Он наверняка придумает, как нам помочь.

– Звони, сынок, звони непрерыв-

но, проси срочно помочь. Скажи, что сбились с дороги, – жалобно сказала Надя.

Павлик звонил раз за разом, но связи не было. Он заметил, что мать уже легла на снег, прижав к себе Костика. Павлик подошел, стал их тормошить.

– Сейчас-сейчас, еще немного, и мы пойдем дальше, – сонным голосом отвечала мать.

Павлик потрогал руки мамы и брата. Они были теплыми. Мальчик кружил вокруг них, не позволяя себе садиться на снег. Чтобы не уснуть под завывание метели, он щипал себя, кусал пальцы и вызывал на связь отца.

В четыре часа утра Павлик вновь набрал нужный номер. Раздался гудок. Мальчик услышал голос отца и заплакал в трубку.

– Павлик, вы где? – с тревогой в голосе спросил Анатолий.

– Мы в голом поле под Даниловкой. Маршрутка нас не взяла, а люди не пустили переночевать. Мы возвращались домой, но сбились с дороги. Замерзаем. Помогите нам скорее, – сквозь слезы попросил мальчик.

– Я сейчас, сынок. Держитесь. Успокой маму. Я скоро буду...

Анатолий быстро оделся и побежал к трактористу Витьке Гусеву.

Тот, услышав просьбу Анатолия, сказал, что помочь не сможет – нет горючего. Анатолий бросился к леснику Володьке Добродееву, объяснил ситуацию. Володька живо вывел из хлева лошадь.

– Только не загони ее. Она уже немолодая, – предупредил хозяин.

Анатолий отыскал жену и сыновей около шести часов утра. Павлик, продрогший до костей, обрадовался, бросился к отцу, заплакал.

– Пап, мама не встает, сколько ни тормошил. И ничего не отвечает...

Анатолий подбежал к жене, нащупал Костика, поднял на руки. Мальчик проснулся, посмотрел на отца и закрыл глаза. Надя не пошевелилась. Анатолий потрогал ее тело – живот был теплый. Потрогал руки, ноги – они ооченели. Анатолий принялся растирать конечности жены, но Надя не приходила в себя. И он понял, что жена мертва...

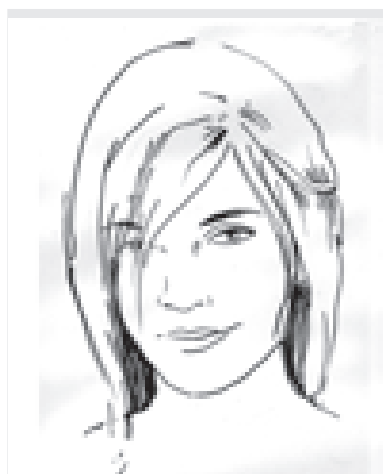
Трясущимися руками Анатолий уложил жену и детей в сани, укрыл их сеном и полушубками, прихватившими из дома, и живо тронулся в путь.

– Ну как же ты так, Наденька? – шептал он, глотая горькие слезы. – Как же ты так?

Метель бесновалась. Завывала дико и страшно, по-волчьи.

Нездешнее

Ольга КОМОВА – поэт из Нижнего Новгорода. Хрупкая, нежная, нездешняя. Жила с мамой. Долго мечтала стать актрисой, пыталась работать в театре «Вера», но что-то не сложилось... Потом вплоть до смерти была социальным работником, разносила старикам пенсию. Еще она очень хотела выпустить сборник своих стихов, даже иллюстрации были готовы, но при жизни Оли сборник так и не вышел. В апреле 1996 девушку нашли убитой. Ей было 24 года.

К сожалению, фотографию Оли нам найти не удалось, поэтому здесь наша художница нарисовала поэтессу такой, какой представила ее себе по строчкам. Стихи Комовой мы тоже собирали по крупницам, по тем обрывкам, что остались у ее знакомых. Хотелось бы спасти эту замечательную поэзию от забвения.

Когда я стану старенькой,
когда я стану лысой,
я буду замечательной
трагической актрисой.
я напишу четвертый том
хронических записок,
построю сумасшедший дом
из розовых ирисок...

Рыжий, рыжий парикмахер
Улыбается прохожим,
Он рисует на асфальте
Изумительные рожи.
Он рисует на асфальте
Бесконечных великанов,
А они стихи читают
Про моря и океаны.
В океане утонули
Тридцать три стихотворенья.
Мы устали, мы уснули
От борьбы и огорченья.
Не грустите – вы талантливы,
Улыбайтесь – вы красивы.
Рыжий, рыжий парикмахер
Улетает в небо синее.
Он вернется, он вернется
И подарит нам удачу.
Никогда не сомневайтесь,
Будет так, а не иначе.

Сладкое облако
Превратилось в леденцы
Для маленьких ребят.
Соленое облако
Превратилось в молчаливую
Умную рыбу.
Рыба увидела людей,
Вздохнула и спряталась в пруду.

Из грозной серой тучки
Строгие начальники
Сшили себе модные костюмы,
А солнце
Превратилось в сердце для
ромашки.
А я на ромашке гадала,
А что нагадала,
Никому не скажу...

Сергей КЛИМОВ – 11-классник Сергиево-Посадской гимназии имени И.Б.Ольбинского.

Пишет, как сам говорит, много и очень давно. В прошлом году попробовал себя в роли драматурга: по его пьесам в родной гимназии были поставлены два спектакля. Представленный здесь рассказ родился в результате... выполнения домашнего задания по МХК на тему «Творчество постимпрессионистов». Отправной точкой для авторской фантазии послужила картина Поля Гогена «Мы приветствуем тебя, Мария».

Гоген. Бегство

I

 Чудак-философ
 Покупает теплый воздух
 И одуванчики,
 И добрые слова.
 Он плачет от восторга,
 Глотает папиросы,
 Спят на его ресницах
 Смешные острова...

 В космической глуши,
 В заброшенном раю,
 на острове любви
 Я кончу жизнь свою.
 Там вечный чистый снег,
 Холодная вода.
 Вот только не уйти
 Оттуда никуда.

Как только лодка села на песок, я, подвернув штанины и схватив сумку с пожитками в одну руку, а свои ботинки – в другую, выпрыгнул в воду и как абсолютный сумасшедший понесся по пляжу. Все тогда врезалось в меня. И форма следов на песке, и персиковый цвет уставшего под вечер солнца, и блеск воды, и запах соли, скрещенный с запахами растительности. Океан там был самым законченным, самым могучим существом, и все остальное пыталось походить на него. И небо – по нему все время быстро-быстро бежали облака. И тростниковые заросли. И даже люди – они были другой глубины, чем те, кого я встречал до этого.

Они жили маленькой деревушкой на южном берегу, чуть выступавшем в море, что позволяло в любое время следить за солнцем. Их дома были из трост-

тника. Построенные на сваях, они высились метра на два над землей. Все островитяне были темнокожими, но это, пожалуй, придавало им особое благородство в моих глазах. К одной из семей меня и подсадили. Отец, Кэаве, был горшечным мастером. Позже мне очень нравилось смотреть, как он работает. Тонкие его пальцы ловко скользили по глине, крутящейся на особом диске. Вся эта изящная моторика, преобразовывавшая кусок земли в то, из чего мы потом ели и пили, завораживала меня. Жена, Кокуа, как все женщины, работала на земле. В глубине острова, за зарослями тростника, были их огороды. Целыми днями они, согнувшись, колдовали над твердью. И сквозь пески и глину на поверхность пробивалась жизнь, даря жизнь другим. Пожалуй, это было самым важным уроком на том острове: чувствовать нечто сакральное, маги-

ческое, даже в самом простом. Как-то я подбил камнем попугая и принес его в качестве обеда хозяйке. И лишь когда увидел мертвое его тело, переливающееся оперение на сером пустом столе, понял, что натворил. Он был столь наполненным жизнью, будучи даже мертвым!

Дом их был одним из самых больших, и мне выделили комнату, отделенную от остальных помещений дрожащей на ветру занавеской. Я был свободен. Они почитали меня как дорогого гостя, позволяя особо не работать. И я мог рисовать столько, сколько захочу. Но у меня не особо получалось, все время чего-то не хватало. И я чаще скитался по острову, ловя те или другие сцены. Помню, как дети бегали к матерям на огородах, неся завернутые в тряпки хлеба. Помню, как однажды они красили ткани, долго их сначала варя, а потом разложив огромные полотна на деревянных досках. И ветер раздувал их, словно гигантские паруса.

Помню маленькую женщину, ходившую повсюду, с вечно спящим у нее на плечах ребенком. Она всегда смотрела на меня с какой-то потаенной улыбкой. И помню их кладбище в глубине острова с высющимися крестами из того же тростника, смысл которых они особо не постигали. Кресты были скорее символами их любви и уважения к повисшим над их островом духам прошлого, чем откровениями потустороннего мира. Для них его вообще не существовало. Им хватало своего. Помню, как когда пошел дождь, вся семья сидела, прижавшись, в центральной комнате, тихо шепча друг другу свои страхи. Я не понимал их речи, мы общались чаще на пальцах. Я вообще там мало что понимал. К своему стыду, я даже не запомнил название острова, кажется, что-то между Маркизскими островами и Самоа, по крайней мере это где-то звучало.

II

На расстоянии нескольких метров от берега, по колено в воде, стояла пожилая женщина. Одна за другой приходили волны, принося с собой морскую пену, подбираясь к самому подолу ее платья, и точно так же уходили, поднимая песок и заглушая все ненужные звуки вокруг, оставляя благоговейный ритмичный шум. Ветер играл с ее волосами, откидывая с лица седые пряди, трепал складки на юбке, пытался выхватить шаль, которой она укрывала свои плечи. А она стояла, будто ждала кого-то, замерев, всматриваясь куда-то в даль, туда, где бесконечное небо соприкасалось с бескрайним океаном, порождая блестящий солнечный свет, отражающийся в воде и разжигающий небо пурпурными всполохами. Грузное тело скрывал, оставляя лишь силуэт, алый цветастый сарафан, какой здесь носили все. Белые волосы обрамляли темную кожу лица, на котором особенно светились ее глаза, очерченные черными ресницами. Она прижимала руки к груди, придерживая шаль. И смотрела куда-то вдаль, все что-то выискивая. Вода грела ее распухшие старые ноги, усталые, изрезанные венами, с полными переходами от голеней к ступням.

Мальчики-рыбаки, возвращаясь с моря, громко смеялись, таща свои лодки. Худощавые, загорелые, в одних плавающих, они плескались, топили друг друга. Но она не обращала на них внимания.

Один из них широкими шагами подошел к ней, приобняв сзади. Он что-то нашептал и повел ее к берегу. Она села на песок, ее рука зарылась в волосах смотрящего на нее с улыбкой парня. Потом она вдруг повернулась и посмотрела прямо на меня.

Так, совершенно случайно увидев эту старушку, я захотел с ней познакомиться и, возможно, написать ее портрет. От своей хозяйки я узнал, что она и этот парень были приезжими, и оба поселились на острове лет пять назад. Причем мальчик не был ее родственником, а просто ей помог. Ее собственный сын ушел куда-то за моря, с какой-то показавшейся мне тогда весьма туманной целью. Хозяйка пообещала мне также поговорить с ней о том, чтобы нарисовать ее портрет, что и сделала. И дня через три старуха пришла ко мне. Мальчик проводил ее до занавески, отделяющей дом от моей комнаты, и, простившись, ушел. Старуха была все в том же сарафане и шали, и волосы ее так же были растрепаны по лицу. Помню, что она назвала меня как-то Люций или Лукий. Я понял, что под этим она подразумевала цвет моей кожи, отличный от нее. Лук – по латыни «светлый». Я попросил ее присесть на табурет в углу комнаты.

Она посмотрела на меня прямо в глаза. Лицо ее было чистейшим. Да, его полоснули морщины, но ни старческих пятен, ни прыщей не было. Темная благородная кожа и цепкий взгляд. И мне было страшно начинать. Я почувствовал в человеке, сидящем передо мной, неисчерпаемую силу, просто реку энергии. И я не чувствовал себя творцом, действительным художником. Это с ее позволения я рисовал, ведомый неким душевным спокойствием, которое веяло от нее. И я чувствовал пространство вокруг, чувствовал море в окошке и падающий на пол солнечный свет, чувствовал ветер, раздувающий кружевную занавеску.

В конце концов, чувствовал свое ды-

хание: то, как воздух проникал через ноздри вместе с тончайшими запахами, и как обволакивал внутренности своим теплом, и как потом покидал, унося сомнения. Да, дыхание. Меня трогала история с ее сыном. Я представлял, как корабль медленно уплывал к пылающему жаром солнцу, а эта маленькая женщина, метавшаяся между бесконечно человеческой любовью к сыну и каким-то неземным, героическим его предназначением, стояла, умоляя саму себя не плакать. Может, именно его она ждала, так пристально всматриваясь в даль. Но я так и не понял, что за вдохновенный дух наполнил меня в ту минуту. Будто бы тогда я был вовсе не собой, потеряв свое извечное оживление при работе. Но я не утратил интереса, я вел кистью в этом молчании. Только шум океана пел тихую молитву, разделяя мое умиротворение, бесконечное спокойствие.

III

В последнюю ночь мне не спалось. Простыня, которой я укрывался, липла к мокрому от влажного воздуха телу. Все время что-то не давало забытья, чего я, пожалуй, желал. С твердой мыслью, что проведу здесь остаток своих дней, я ехал на этот остров, и по прошествии менее трех месяцев уже возвращаюсь. Какая-то моя жуткая страсть начинать все каждый раз с чистого листа не дает мне покоя. Я как будто избегаю своей жизни, воспринимающей мир единой целостной картиной, превращаю все лишь в серию зарисовок, объединенных маленьким бесконечно ищущим правду героем – мной. Прощаясь с Францией, я обещал, что больше не увижу эту землю и не вспомню ее людей, но еще на корабле все время держал в голове прибрежный городок. Развеваемые ветром скатерти кафе на набережной, танцевальные мелодии расположившегося перед входом оркестра, женские шляпки и мои скользя-

щие по мощным плитам пирса башмаки. Я думал, что найду абсолютное спокойствие, смогу пожить исключительно для себя, забыв о времени, квартальной плате за жилье и днях рождения друзей. Мне просто надоела моя квартира с одним большим, выходящим на площадь окном, завешенным темными шторами. Все это казалось таким глупым, условным и просто жалким.

Жалким было целыми днями сидеть там, читая какую-нибудь муть, не улавливая ни капельки сути, забросив ноги на стену. Надоели нескончаемые болезни. Но больше всего люди. Бегущие по улицам, выискивая на мостовой оброненные монеты, вместо того чтобы смотреть, как облака проплывают над ними и кружатся птицы. Не способные на сочувствие, чересчур резкие и пытающиеся довольствоваться теми жалкими грошами, которые имеют, и теми крупницами познания, которые хранят. Дико визжащие дети и дородные мамыши, натягивающие на свои тела безвкусные платья. Мне хотелось привести их в какой-то порядок, придать им некую грацию. Отсечь пошлые, потные фигуры, рваные грязные костюмы, иссохшие, пожилые лица, а главное, эти маленькие, ничтожные мысли.

И кажется, чувствуя свою беспомощность, я и сбегал от них в поисках как раз такого бесконечного порядка и идиллии. Но, прожив тут десять недель, с мыслями обо всем этом мне хочется

вернуться. Вернуться, чтобы научиться все это любить. Любить этих полных маман, отдающих себя полностью маленькому гонящему голубей сынку, но оставляющих себе былую страсть – выглядеть статно. Любить милых старушек, увешанных черными шальями. Любить пересчитывающих в своих маленьких кожаных кошелечках денежки дядюшек. Потому что они – планеты, планеты-люди. Так мило существующие в этом маленьком мире, который они мнят бескрайним. И я уже влюблен в умение человека жить сегодняшним днем и потаенно, но радоваться простому. Ведь это самое красивое, что только может быть, что когда-либо было и есть. Каждый целостен и совершенен, совершенен не для себя, но совершенен взятый отдельно от других, своим очарованием и твердым старанием существовать в мире, не созданном для существования. И эти живущие здесь, на острове, люди, и те, построившие громадные дома и сочинившие действительно великое, прекрасны не потому, что такими родились или такими стали, а потому что они такие просто есть, но будут не вечно.

Прекрасны их пустая, излишняя гордыня и мелочность, тщеславие и жеманство, прекрасно умение быть самим собой и прекрасно умение подстраиваться под других. Прекрасно созерцать это, созерцать человека, созерцать и ценить жизнь. Каждая мелочь есть отражение этого потустороннего мира, во всем есть характер, есть душа. И на этом богом забытом острове я не могу уснуть в чetyре утра, когда солнце уже встает из-за горизонта, разжигая небесный костер, потому что живу. И только сейчас предо мной предстает целостная картина, от начала, от маленького ребенка, засыпающего в своей постельке под песни матери, до настоящего, до тридцатилетнего безумца, мучающегося бессонницей. Целостность есть совершенство.

Итоги конкурса «Гончаров-200»

Сон и явь Ивана Александровича

Анна ХРУСТАЛЕВА

Всероссийский конкурс творческих работ «Гончаров-200», посвященный юбилею великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова, завершен. В редакцию «УГ» пришли десятки писем со всей России: из Алтайского края и Омска, из Республики Башкортостан, Архангельской и Вологодской областей, из Воронежа и с Урала. Самыми активными оказались, что не удивительно, земляки классика – учителя и их воспитанники из Ульяновской области. С одной стороны, у них серьезная фора – они с Гончаровым почти родственники, у них особая связь, особые отношения. С другой – с земляков и спрос особый. Мы благодарим всех участников конкурса, знатоков и ценителей гончаровского наследия, и объявляем имена победителей.

Победители в номинации «Лучшая электронная презентация к уроку, посвященному творчеству И.А.Гончарова»:

I место. Светлана ЯСИНСКАЯ, учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ №22» г. Череповца, Вологодская область. «Иван Гончаров. «Обломов»: мотив чтения – нечтения в романе».

II место. Александр БРЫКИН, ученик 8-го «А» класса МОУ «Октябрьский сельский лицей» Чердаклинского района Ульяновской области. Презентация к интегрированному уроку (литература-история) «Фрегат «Паллада». Кругосветное путешествие И.А.Гончарова».

III место. Мария ФРОМ и Маргарита СИТДИКОВА, учителя русского языка и литературы специальной общеобразовательной школы открытого типа

«Последнее свидание Софьюшки с Сашей». Светлана РОМАНОВА, Кульгешская школа, Республика Чувашия

№153 г. Омска. «Обломов – роман о любви».

Наибольший интерес наших читателей вызвала именно эта, «электронная» номинация. Самое приятное, что поразмышлять о творчестве Гончарова в таком формате решили не только учителя, но и ребята-старшеклассники. Руслан Ибрагимов, ученик 10-го «Б» класса старокулаткинской школы №1 из Ульяновской области (научный руководитель – учитель русского языка и литературы Нажия Байбулатова), составил маршрут виртуальной экскурсии по гончаровским местам Ульяновска. Дом из красного кирпича с остроконечной башенкой – именно тут родился будущий автор «Обломова», мраморная беседка-памятник Гончарову на волжском берегу, описанном в романе «Обрыв», и еще множество уютных «литературных» уголков, связанных с именем писателя. Александр Брыкин, восьмиклассник Октябрьского лицея Ульяновской области, отправился вместе с Гончаровым в кругосветное путешествие на фрегате «Паллада» (научный руководитель – учитель русского языка и литературы Наталья Енакаева). Старинные карты, гравюры, подробное описание чудо-корабля и его команды, меткие замечания Гончарова о далеких берегах и неизвестных ему до той поры жизненных укладах. Без сомнения, работа Саши Брыкина одна из самых стильных и увлекательных.

Презентации учителей практически все до единой посвящены «Обломову», главному роману Гончарова, попавшему в школьную программу. Наталья Танкова, словесник школы №1 села Ма-

монтова Алтайского края, и ее коллега и землячка **Наталья Данилова** из пятой школы города Бийска подробно анализируют легендарный сон Ильи Ильича Обломова. А **Наталья Ряскина** из воронежской гимназии им. академика Н.Г.Басова показывает, какое место занимает роман в творчестве автора. **Мария Фром** и **Маргарита Ситдикова** из омской школы №153 доказывают, что «Обломов» – величайшая история любви из всех когда-либо созданных человеческой мыслью и чувством. Самое оригинальное видение романа «Обломов» предложила, на наш взгляд, **Светлана Ясинская**, учитель русского языка и литературы череповецкой школы №22 Вологодской области. Ее проект «Иван Гончаров. «Обломов»: мотив чтения-нечтения в романе» – попытка взглянуть на главных героев и их поступки сквозь призму символа – книги, поминутно, там и здесь упоминаемой в романе пыльной, заброшенной в угол, заплесневелой или, напротив, жадно перелистываемой.

Ознакомьтесь с лучшими презентациями Всероссийского конкурса «Гончаров-200» можно будет уже в ближайшее время на сайте «Учительской газеты» www.ug.ru

Победители в номинации «Лучшая иллюстрация к произведению И.А.Гончарова»:

I место. Анастасия ОСТРИКОВА, ученица 10-го «А» класса центра образования №504 г. Москвы (руководитель – старшая вожатая Ольга Семянникова). «Илья Ильич Обломов».

II место. Светлана РОМАНОВА, учитель культуры родного

«Илья Ильич Обломов». Анастасия ОСТРИКОВА, центр образования №504, Москва

края, руководитель музея МБОУ «Кульгешская ООШ им. Н.А.Афанасьева» деревни Кульгеши, Республика Чувашия. «Последнее свидание Софьюшки с Сашей».

III место. Валерия КОРКИНА, МКОУ ООШ №8 г. Коркино, Челябинская область. «И.А.Гончаров. «Обыкновенная история». Найденька».

Разбирать рисунки, пришедшие на конкурс «Гончаров-200», – особое наслаждение. Сочные и нежные, строгие и непосредственные, выполненные с любовью и иронией, они вдыхают в строки русского классика новую жизнь. Как здорово было бы отметить всех и каждого, но соревнование есть соревнование. Однако, награждая победителей, мы не можем не отметить также огромный воздушный «Фрегат «Паллада» – плод воображения московского пятиклассника **Дмитрия Малова** из школы №2031 (руководитель

Светлана Пулова). Или не подивиться гротескному изяществу Ильи Обломова и Ольги Ильинской, вышедших из-под карандаша **Анисы Узбековой** (старокулаткинская школа №1, Ульяновская область).

Победители в номинации «Памяти «Фрегата «Паллада» – лучшие путевые заметки, очерки о путешествиях, эссе об удивительных местах планеты»:

I место. Светлана КАЧЕСОВА, ученица СШ №5 г. Бийска, Алтайский край (руководитель – учитель русского языка и литературы Наталья Долгова). «Путешествие в Горный Алтай».

II место. Аниса УЗБЕКОВА, ученица 10-го «Б» класса СШ №1 пгт Старая Кулатка, Ульяновская область (руководитель – учитель русского языка и литературы Нажия Байбулатова). «К Лермонтову на Кавказ».

III место. Любовь ДОБРОСОВА, учитель русского языка и литературы СШ №22 г. Казани, Республика Татарстан. «На Казань лежит наш путь...»

Травелог, или записки о путешествиях, – один из самых популярных жанров мировой литературы, уходящий корнями в античную древность. Войны и паломники, ученые и писатели веками странствовали по земле, оставляя потомкам свои необычные, меткие, оригинальные наблюдения о заморских даях и обычаях их обитателей. Юлий Цезарь и Афанасий Никитин, Теофиль Готье, Карамзин, Гончаров – теперь к этому славному и далеко не полному списку можно смело присоединить имена наших конкурсантов. Шестиклассник Максим Ме-

нибаев из екатеринбургского лица №3 в своем эссе «Коронный город» пишет о суровом и величественном Кронштадте: «Первый раз я приехал туда в жарком июле. Увидел грозные форты, поросшие веселой изумрудной травкой. Серый гранит мрачно смотрел в воду, под ногами хрустел песок, а сверху жалобно кричали чайки. Я увидел почти сливающийся с небом купол собора, украшенный золотыми якорями, и памятник знаменитому адмиралу, у ног которого плещутся волны, навсегда отлитые в чугуне... В этом городе когда-то служил мой отец... Я и сам хочу служить здесь, чтобы смотреть на остров с военного корабля после долгой вахты». А Елена Деулина, десятиклассница из башкирского села Ямансаз, ведет нас под своды древней пещеры Шульган-Таш, стены которой испещрены рисунками первобытных людей. Читая заметки нашей победительницы, шестнадцатилетней Светланы Качесовой, уносишься мыслями к вершинам Алтайских гор. И голова начинает кружиться, будто и впрямь затягивают тебя призрачные воды Девичьего плеса, таинственного горного озера, в чьих водах согласно древней легенде, спасаясь от бесчестия, нашли свою смерть прекрасные пленницы китайского императора. И трудно не согласиться с Любовью Добросовой из Казани: любое путешествие по миру должно начинаться с искренних чувств к своей земле. Не об этом ли писал и Гончаров?

Всех победителей ждут дипломы и подарки от «УГ». Но мы не прощаемся: впереди новые конкурсы и удивительные творческие открытия.

Итоги конкурса «Моя Цветаева»

«Ты была побежденьем оков!»

Татьяна ЕФЛАЕВА

Конкурс «Моя Цветаева», задуманный нами в преддверии 120-летия поэта, принес много открытий чудных и абсолютно неожиданных.

Удивила даже не захваченная лавой поэзии Марины Ивановны территория – от Тюменской и Кемеровской областей до Кавказа, Кубани и Ставрополя. Ну, во-первых, поразило количество, а главное, качество присланных детских работ. Причем свои очень эмоциональные впечатления от стихов великого трагического поэта прислали не только старшеклассники (понятно, что их привлекает юношеский максимализм поэта), но и совсем юные. Так, 5-классница (!) Даша Плющева из 34-й школы Саратова вдруг открыла нам Цветаеву-педагога. Вы знали, о чем пишет Марина Ивановна в статье «Детям»? Она дает советы, например: «Не слишком сердитесь на родителей, помните, что они были вами и вы будете ими» или «Ну а если вам скажут, что так никто не делает (не одевается, не думает...), отвечайте: «А я – кто!» В последнем изречении вся Цветаева. И Даша делает для себя вывод: «...я подумала,

что надо терпимее относиться к советам родителей, Цветаева права. А сами советы рассказали о поэтессе, что она любит детей и с уважением к ним относится, видит в них личности». Мало того, девочка прислала нам рисунки, не оговоренные в условиях конкурса, просто захотелось поделиться с миром своей первой любовью к книге и ее автору. Спасибо, Даша! Ради таких писем уже стоило проводить конкурс.

Полине Сарапиной, 7-класснице из города Белова Кемеровской области, интересна другая Цветаева – открытая рана. «Она привлекла меня не только как поэтесса, но и как человек, человек, который отличался ото всех! Абсолютно всех! Она осознанно обрекала себя на нелюбовь!» – буквально кричат строки девочки. Полина и сама пишет стихи, впрочем, треть приславших работ признались, что занимаются поэзией, и прислали свои рифмованные и даже нерифмованные послания. Вот отрывок из ее эмоционального – в случае с Цветаевой иного быть не может – стихотворения:

В темном зале раскрытая книга
Дарит свет отражению снов.
Ты была для меня не великой!
Ты была побежденьем оков!
Открытие второе – одни из самых

лучших работ (а их очень много!) пришли от сельских педагогов. С одной стороны, понятно, что чаще всего именно в глубинке живут энтузиасты и чудачки, которых ни смешная зарплата, ни неудобства не могут заставить уехать из родной деревни. И именно они так жадны до книг – от классики до новинок. Но с другой стороны, мне лично всегда казалось, что Цветаева «городской» поэт, к тому же пейзажной лирики, которой так славились выходцы из деревни Сергей Есенин, Николай Клюев и которую так любят их земляки, у нее практически нет. Но как справедливо заметила сельский учитель русского и литературы Вера Кахановская из Ставрополя, всех обезоруживает и покоряет ее искренность – «главное оружие поэтессы». А коллега Веры Наталья Пучкова из Пензенской области заметила: «Порой мне до глубины души бывает больно и обидно за то, что о таком большом русском поэте знают очень немного даже выпускники. Жизнь и траги-

ческая судьба необычной женщины почти неизвестны им. Поэзия почти незнакома и оттого чужда, непонятна. Неудивительно, ведь программа по литературе лишь в старших классах знакомит учеников с цветаевским творчеством, и то «по выбору учителя».

Остальные открытия – о жизни Цветаевой и ее влиянии на сознание читавших – буду делать по ходу обзора. Сначала отмечу тех, кто в силу ограниченности призовых мест не получил никакой премии, однако, безусловно, достоин упоминания. Это Варвара Ганьшина, которая очень тонко и профессионально раскрыла особенности стихотворного цикла, посвященного Блоку, и историю взаимоотношений двух поэтов. Многие наши читатели остановились на поэтической связи Цветаевой с обожаемым ею Пушкиным. Татьяна Анохина из Калуги призналась, что Марина Ивановна помогла по-новому осознать судьбу «солнца русской поэзии». Она даже

делает неожиданный, хоть и спорный, вывод: «С мыслью о том, что гений все же не от Бога, а от несгибаемости, трудолюбия, веры в мечту, в свое призвание, я живу уже долгих два года. Эту мысль подарила мне Марина Цветаева, зная и чувствовавшая Пушкина, как никто другой».

И все-таки, несмотря на то что выбрать победителей было очень сложно, мы распределили призовые места следующим образом.

І номинация – эссе «Моя Цветаева»:

1-е место. Ангелина ЛУФЕРЧИК, преподаватель русского языка и литературы Черногорского горного техникума, Республика Хакасия.

2-е место. Галина ГОЛУБЕВА, учитель русского языка и литературы школы №4, Нововоронеж, Воронежская область.

3-е место. Нина ГУЛИМАНОВА, учитель русского языка и литературы школы №14, ст. Тенгинская, Краснодарский край;

Любовь ГАМАЮНОВА, учитель немецкого языка школы №8, пос. Крутобережный, Ростовская область.

Абсолютная победительница Ангелина Луферчик озаглавила свой удивительный по слогу рассказ о том, как Цветаева шла к своей трагической кончине, «Слезы обиженной богини». Особенно потряс финал с его рублеными фразами. «Цветаева оставила 150 рублей. На собственные похороны и на билет сыну в Чистополь. А на плите – полную сковородку жареной рыбы». Ибо еще раньше Марина Ивановна говорила: «Я, когда буду умирать, о ней (о себе) подумать не успею, целиком занятая: накормлены ли мои будущие

Цветаева так любила Прагу... Фото Юлия ПУСТАРНАКОВА

проводящие, не разорились ли близкие на мой консилиум, и м.б. в лучшем эгоистическом случае: не растащили ли мои черновики». Завершает эссе автор жестко: «С молчаливого согласия тихих и безобидных обывателей гибнут Таланты. А просто-напросто надо было накормить очарованных странников, согреть и не трогать. Очарованных странников, пилигримов не надо понимать, их просто не надо пытаться переделывать...»

Галина Голубева призналась, что впервые приобщилась к поэзии Цветаевой, учась на филфаке в советские времена. А тогда прочитать ее стихи можно было только в рукописных списках, заветных тетрасточках, передаваемых друг другу на ночь. «Строки «разбросанным в пыли по магазинам, где их никто не брал и не берет», приводили в неистовство. Мы мечтали с помощью машины времени попасть в эти магазины и скупить там все цветаевские сборники», – пишет Галина про себя с подругой. Она не только помнит многие стихи Цветаевой наизусть с юности, но даже назвала одного из своих сыновей Львом, вспоминая цветаевское «Имя ребенка – Лев».

Для Нины Гулимановой личность Марины Ивановны стала темой курсовой, а после и дипломной работы. Как написала Нина Михайловна: «Очень быстро пришло понимание того, что точно выразила одна из исследователей творчества Цветаевой Лилит Козлова: «Марина Цветаева в обычные человеческие представления не умещается – никак».

Порадовало нас и эссе Любви Гамаюновой, в котором она написала: «Спасибо «Учительской газете» и конкурсу в честь 120-летия со дня рождения Марины Ивановны Цветаевой. Поэзией я никогда все-

ръем не увлекалась. И вдруг заинтересовало, заинтриговало... Оказалось, мы очень мало знаем о творчестве и жизни поэтессы. Увлечлись одинаково: мои ученики и я – учитель с сорокалетним стажем преподавания немецкого языка в сельской школе». Между прочим, педагога и ее учеников больше всего увлекло исследование глубоких связей Цветаевой с Германией, которую Марина Ивановна называла своей духовной родиной. Дошло даже до того, что теперь ученики ищут ответ на вопрос: «И все же Марина Цветаева – русская или немецкая поэтесса?»...

А вот победители в номинации «Путеводитель по цветаевским местам»:

1-е место. Юлий ПУСТАРНАКОВ и Наталия САВЕЛЬЕВА. «В летеиском городе своем живу...» (Цветаевская Прага).

Это самый настоящий путеводитель, с которым можно легко, полезно и насыщено провести пару тематических (цветаевских) дней в Чехии. Притом прекрасно написанный. Замечательны и фотографии, в том

числе статуи рыцаря Брунсвика, которая так нравилась поэту.

2-е место. Любовь ДОБРОСОВА, учитель русского языка и литературы школы № 22 с углубленным изучением предметов, Казань, Республика Татарстан. «Судьбина русская...».

Автор совместила увлекательное эссе по творчеству Марины Цветаевой с прогулкой по цветаевским местам, начиная с дома в Трехпрудном переулке в Москве и заканчивая ее могилой в Елабуге, где она была со своими учениками.

3-е место. Надежда КОСТЕНКО, ведущий библиотекарь школы №31 имени Героя Советского Союза С.Д.Василисина, Владимир. «Марина Цветаева и Владимирский край».

Предмет разговора – музей Цветаевой в Александрове. Город, в котором Марина Ивановна провела свое последнее счастливое дореволюционное лето, представлен ярко и живо.

Спасибо всем участникам нашего конкурса. Более подробно о его итогах читайте на www.ug.ru.

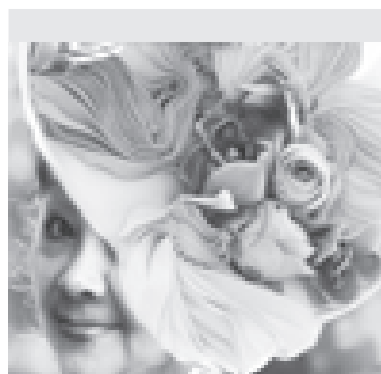

Любовь ДОБРОСОВА с учениками на могиле Марины Цветаевой в Елабуге

Другие

Фестиваль французского театра показал русскому зрителю современную эксцентрику

Площадь искусств

Лейла ТАСТАНО-ВА знакома читателям «УГ» как Нила Петрова. Послушав в 4 года оперу «Князь Игорь», стала бредить театром. От режиссуры отговорили, поэтому стала профессиональным театроведом. Работала в музее «Кусково», где пыталась осуществить полномасштабную реконструкцию театрализованного праздника XVIII века, в реставрации, где к театроведческим знаниям прибавились искусствоведческие, на телевидении, включая работу над циклом «Истории одного шедевра», шедшем на центральных каналах около семи лет, и в театре. Ныне пишет блестящие рецензии на самые яркие спектакли сезона.

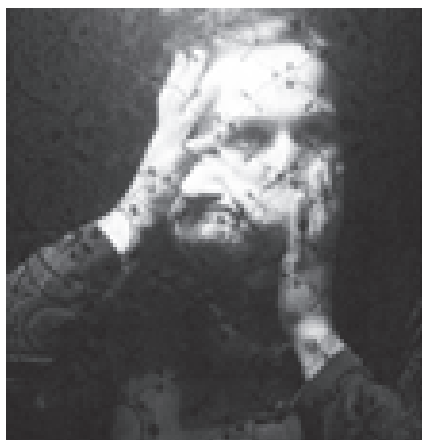
Честно говоря, я побаиваюсь театральных экспериментов: слишком многое из того, что использует концептуальный театр, является ничем иным, как перелицовкой старого. Но вторичность форм – полбеды, главное, после многотрудного раскодирования какой-нибудь сложной формы, расшифровки авторского языка видишь банальность мысли. Поэтому не без опаски приняла приглашение на фестиваль «Другой театр из Франции», что уже шестой год проходит в Театре наций и организовывается совместно с Французским институтом в России. Но с каким удовольствием посмотрела все три спектакля программы, отобранной в этом году, ибо, разнясь между собой по темам, способам подачи материала, использованным приемам, они продемонстрировали и подлинную смелость, и авторскую индивидуальность, и замечательный уровень мастерства.

«Go!»

Тусклый свет ночника освещает плотно запертую дверь на сценическом черном заднике. На противоположном конце скромной квартирki столик с настольной лампой – главный маршрут героини, маленькой

старушки, что с видом деловым, но, по сути, совершенно бесцельно шаркает по своему узенькому мирку. И вспоминает, визуализируя образы ушедших дней на черном заднике с помощью малярного скотча: им «рисует» все то, что приходит на ум. А приходит жизнь – под музыку тех давних лет – «Нас утро встречает расцветом», «Солнечный круг», под радио с патетическими речами диктора.

Здесь, в ее последнем земном пристанище, все связано со временем полноценной, стремительной жизни. В пачке перевязанных ленточкой старых конвертов – вырезка из газеты, где явно (достаточно посмотреть на гордый вид героини) написано о ее

Полина БОРИСОВА
перевоплощается. Фото
предоставлено пресс-службой
Театра наций

комсомольских трудовых подвигах, какие-то непонятные бумаги, которые вызывают недовольство, и она «сжигает» их в нарисованной буржуйке – только дым стелется по черному фону. И вдруг – фотография, в которую долго всматривается, и, согнувшись от горести, изображает силуэт мужчины, а потом за ним – еще и еще – много силуэтов помельче – плечистых короткостриженных мужчин. Друг? Возлюбленный? Муж? И где сгинул? В лагерях для репрессированных? На полях войны? Во всяком случае – погиб. Это понимаешь, когда его силуэт, словно случайно зацепившись за ее рукав, слетает со стены. И вот уже, рисуя крест на черном чемодане, она сооружает ему надгробный памятник.

Но жизнь есть жизнь. Нужно покормить кота. Трясет коробку с кормом, приманивая, и сыплет корм в блюдечко, подбирая излишки – скуден быт стариков. А кошка не идет, что ж, и ее нарисует сидящей на подоконнике, преобразовав надгробие в «окно». Да так искусно, что в какой-то момент оно распахнется, развевая занавеску, послышится гомон улицы, и, выглянув, она увидит пейзаж – перспективу улицы. Бережно возьмет «окно» в руки, оно превратится в конверт для старой пластинки. Вернее, обломка чем-то особенно дорогой пластинки. И, примостившись на стуле, отрешенно-печально приложит острие обломка к конверту. И, крутя, словно ожил старый проигрыватель, после шипения стершихся дорожек услышит звуки любимого романса, прерывающегося где-то на половине – пластинка-то сломана! Вот так, наверное, и бывшая любовь прервалась, едва начавшись.

Страхнув воспоминания, старушка вновь зовет кошку, насыпая еду куда щедрее. И этот лейтмотив по-

вторится несколько раз – ведь должна она быть нужна хоть какому-то живому существу! Но кошки все нет, и тогда она нарисует ее уже на своем жакете, обвив скотчем, словно хвостом, руку, а другой лаская животное. Но и это не спасает. Одиночество становится невыносимым, когда, уронив коробку с огрызками карандашей, с трудом их собирает, а потом, вроде играя, расставляет на столике, представляя их своими близкими, друзьями. Но грустнее, когда один за другим карандаши падают – все они умерли, умерли...

И только последний карандаш по-прежнему стоит. По ее виноватогорькой улыбке понимаешь – это она сама. Что ж, и ей пора уходить. Свет гаснет. А когда загорается вновь – сцена пуста. Лишь дверь, которую еще недавно героиня пыталась, но не могла открыть, распахнута настежь.

И когда она появляется на сцене вновь для поклонов, снимая маску, это уже совсем иной человек – молодая гибкая девушка Полина Борисова, наша соотечественница из Омска. Как оказалась во французском проекте? Просто по окончании факультета театра кукол СПБГАТИ решила усовершенствовать мастерство, поступила в Высшую национальную школу кукольных искусств в Шарлевиль-Мезьере и с отличием ее окончила. А дипломные спектакли так понравились и зрителям, и коллегам, что Полина получила поддержку профессионалов и с неизменным успехом показывает свои спектакли французской публике.

«Похвала бороде»

Что есть жизнь? И что – смерть? Игра, полагают авторы спектакля, который и спектаклем в привычном

смысле назвать трудно – ряд цирковых трюков, элементы кукольного театра, а главное, бородастая женщина – самый настоящий балаган. Но не тот старинный примитивно-наивный, а лишь стилизованный под лубок. Ибо женская борода здесь не атавизм, не патология, а символ сочетаемости несочетаемого. Символ ироничной насмешки над общепринятым. Да и аккуратная, маленькая борода совсем не портит внешность актрисы, в которой столько детского – и шаловливо-озорного, и сосредоточенно-внимательного, порой – азартного, порой – вдохновенного.

Актриса Жанна Мордож с помощью режиссера Пьера Менье и ассистента Сильвена Вассас Шореля – своего рода циркового шталмейстера – создает удивительную атмосферу, в которой сплетены клоунада и поэзия. В этом наполненном музыкой, брызжущем весельем, остроумном действе размышления о жизни и смерти парадоксально жизнерадостны, ибо смерть здесь та же жизнь, лишь с иными неудобствами или удовольствиями («когда есть дыры в голове, мозг проветривается, что очень удобно»).

И для выполнения замысла актрисе нужно обладать множеством неожиданных талантов: танцовщицы, акробатки, жонглерши и т. д. При этом все трюки имеют свою логику: со словами «Приятно дать существу, которое не родится, представление о мире, от которого он будет избавлен» она разбивает куриное яйцо и демонстрирует завораживающий жонглерский номер. И пускает его «в путешествие» по своему телу: из одной ладони – по плечам – в другую, по спине, бедрам, с глаза – в рот, оттуда – невредимым – по груди, вдоль живота, лона и – шмяк! – со шлепком – на пол.

А акробатический трюк с ракушками виноградных улиток, которые собирает, распластавшись на полу, перекаtywаясь, демонстрируя гуттаперчевость, в таз, стоящий на голове, пальцами... ног?! Эти улитки вновь появятся в рассказе одного из друзей героини – черепушки барсука – о часе его триумфа, который стал и часом его смерти: приняв участие в конкурсе обжор, он победил, поглотив столько этих самых улиток, что лопнул. Но смерть, увы, не избавляет от честолюбия, слушая дивное исполнение другим персонажем – черепом барана – романтической шумановской «Майской песни», он поначалу пытается вторить. Но понимает, что до барана ему далеко, и ерничит, пытаясь испортить песню, дабы привлечь внимание к себе – как ребенок, капризничающий из-за недостаточного внимания взрослых к своей особе. «Собеседники» героини и двигаются, и говорят на разные голоса с ее помощью – вот где проявляются ее способности кукловода и чревовещательницы.

Подобно представлениям балагана, актриса апеллирует напрямую к

публике, сходя с помоста и обращаясь к залу, расположенному ареной вокруг подмостков, в рассуждениях о том, что же такое женская борода. Может быть, это признак особой женственности, ведь мужчины любят «колких женщин»? В ироничном подтексте монолога – протест против гламурного глянца, против норм красоты, которая никаким стандартам неподвластна, ибо красота – это гармония. И прежде всего с самим собой.

Экстравагантные эскапады сменяются медитативным танцем, когда, переодевшись в роскошный восточный туалет, героиня жонглирует сухими – опять же «мертвыми» – стеблями тростника. А потом, открыв еще один люк помоста, доверху заполненного черной жирной землей, усердно копает глубокую яму, рассуждая, что, «если живешь мертвой жизнью, то лучшее, что тебе остается, – это закопаться», укладываясь с видимым удовольствием, словно в мягкую постель, в эту самую яму и зарывается в землю – «Даже любовный восторг не сравнится с этим полным забвением

себя!». И, надвигая крышку люка, прощается последним жестом руки, просунутой в щель. А из боковых проемов выскакивает целый хор черепов – кабанов, баранов, барсуков, коров, завершая спектакль под ликующую «Песнь духов над водами» Франца Шуберта на стихи Гете.

Что ж, ведь смерть – лишь одна из форм жизни. В этом главный парадокс представления, где элементы абсурда имеют ярко выраженную логику, так же, как странная, на первый взгляд, параллель между прославлением женской бороды и радостным предощущением смерти.

Еще одна важная особенность спектакля – какая-то особая естественная легкость, непринужденность манеры, так напоминающая погруженность детей в игру, в которой воображаемый мир приобретает «всамделишность». И эта игровая стихия подчеркнута финалом, когда после бурных оваций публика покидает зал, а чуть поодаль от сцены посерьезневшая, чуть усталая актриса за гримировальным столиком снимает накладную бороду. Превращаясь в одну из нас.

«Беспредметно»

В слабом луче света, едва прорезающем мрак сцены, – таинственная бесформенная глыба, закрытая черным полиэтиленом, медленно, словно просыпаясь ото сна, оживающая и под странные звуки протяжных нот и отдельных аккордов начинающая странный танец. То плавно поднимается, распрямляясь, превращаясь в подобие скалы, то наклоняется, то вращает длинной «шеей», всматриваясь куда-то в пространство, то с любопытством замирает, изучая публику. И, озадаченная, укладывается в позу сфинкса

Кто главнее: роботы или человек? Фото предоставлено пресс-службой Театра наций

са, словно пытаюсь осмыслить тайны мироздания. Но приподнято-образный пролог прерывается выходом деловитых молодых людей в строгих офисных костюмах и их комической попыткой снять огромную пленку с таинственного предмета. Это, оказывается, так же трудно, как содрать кожу с живого существа. В результате один из них запутывается в упаковочной пленке. Но, наконец, покровы сняты и во всем блеске и непостижимости перед взорами предстает блистающий металлом, мигающий лампочками-глазами совершеннейший автомат. И начинается... балет. Балет для двух людей и робота.

И гармоничный поначалу союз, когда машина поднимает людей ввысь, где они парят, словно в невесомости космоса, и созидает, помогая им обустроить пустое пространство, постепенно все чаще нарушается попыткой определить, кто сильнее, совершеннее, главнее. Пока в конце концов эта борьба не завершается полной победой робота, вышедшего из-под контроля: в дыму, под запах горелой резины, зловеще шипя, он «зарывает» людей в люках подмостков. Вздыхается, полностью закрывая сцену, черная упаковочная пленка: конец бытия? Апокалипсис?

Тишина, тьма... Но вдруг – удар, похожий на взрыв, и в пленке появляется прореха, через паузу еще, потом, все учащаясь, удары следуют один за другим, а непроницаемое полотно покрывается дырами, сквозь которые в зал струятся лучи света, а иногда виден светящийся «глаз» робота, творящего новую реальность.

Но работа завершена. Осталось только прорезать в пленке проем, в который выходит на авансцену та же

пара людей в белоснежных рубашках. Людей? Но почему они безлики? Головы плотно затянуты той же черной пленкой – ни глаз, ни рта, ни малейшего намека на индивидуальность. Четкие автоматически выверенные движения. В проем за их спинами просовывается голова робота, с любопытством смотрящего в зал. Но стоит одному из новых хозяев повернуться в его сторону, как он послушно и смиренно отступает вглубь, словно провинившаяся собачонка. На смену предыдущей генерации гомо сапиенс приходит новая – предельно прагматичная, лишенная каких бы то ни было эмоций. И возникает сомнение: а люди ли это? Может, новое поколение роботов?

«Беспредметно» – ярко-образный, как ни парадоксально, глубоко поэтический спектакль с элементами фэнтези и чуть ли не фарсового черного юмора о человеке в его исканиях и порывах, открытиях, подчас уничтожающих его самого, и стремлении к самоидентификации в ходе эволюции. Лишенный сюжета, спектакль обладает точной композиционной структурой, объединяющей частное и общее, комическое и трагическое, высокое и низкое, когда, по словам автора представления Орельена Бори, «происходит движение в двух направлениях: машина склонна все более очеловечиваться, а человек – роботизироваться. Мерилом всего становится продуктивность. Человеку светит перспектива оказаться менее продуктивным... в сравнении с роботом. И, дабы не уступить в первенстве последнему, человеку остается и в дальнейшем двигаться в сторону технологизации».

Орельен Бори – физик-акустик, переквалифицировавшийся в лирики и основавший театральную ком-

панию «111». Но и в театре, и в цирке, где он тоже подвизается в качестве режиссера, претворяет то, что его волнует как исследователя: что есть пространство? Пространство Вселенной? Времени? И выносит на суд зрителей свои далеко не радужные гипотезы, говоря своеобразным языком, используя неожиданные образы и синтезы, как, к примеру, здесь – одушевленной машины и лишаящихся души людей. Сценография (Арно Вейра) – скупая, аскетичная, в стиле техно – только задник сцены, на который отбрасываются «говорящие» тени, и помост со съемным планшетом, до поры скрывающий все, что необходимо для действия: зеркало, экран, коробка, да и фрагменты планшета, из которых машина строит собственную реальность. Главное – сама машина, между прочим, настоящий робот (автор компьютерной программы и оператор – Тристан Бодуэн). Это сверкающий металлическим отблеском, с многоглазой маленькой головой на гибкой шее гигантский монстр, издающий то тихий мерный рокот, то зловещее шипение, то удары электрических разрядов. Робот явно солирует в трио с актерами (Оливье Буайе и Оливье Аленда). Последние не просто акробаты, выполняющие свои трюки в точной стилистике каждого фрагмента (к примеру, держась одной рукой за деталь машины, они плывут в невесомости, как в замедленном кадре), но и великолепные танцовщики и мимы, способные пластикой выразить образ каждой сцены.

Словом, главной темой фестиваля «Другой театр из Франции» стало отношение человека к смерти, а программа вела зрителей по нарастающей – от темы частной, глубоко интимной через поэтику эксцентрики к философскому обобщению.

Чудаки Александра Чудакова,

или Сколько весят уши слона и какие песни поют в русской глубинке

Я хотел бы хоть чуть-чуть показать ту Россию, ту ее толщу, которую не описали эмигранты, потому что уехали, и не изобразили советские писатели, потому что было нельзя.

А. Чудаков. Из дневников

Читаю и перечитываю (оторваться невозможно!) прекрасную Сашину прозу. Вот – Россия!

М. Чудакова. Из дневников

Впервые роман Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» вышел десять лет назад, а в этом, 2012 году, после того как он стал лауреатом премии «Русский Букер десятилетия», московское издательство «Время» выпустило новое издание романа, дополненное выдержками из дневников и писем автора. Это не детектив, не нечто остросюжетное и лихо закрученное, без нагнетания страстей, без современных политических аллюзий и узнаваемых персонажей. Это возврат к простым человеческим ценностям, подлинным именно в этой простоте, и понимание того, как легко их утратить или не

заметить подмену. Наконец, это превосходная проза, написанная живым образным языком, лаконичная и емкая, живописная и сдержанная, наполненная юмором, но больше пронизанная иронией и сочувствием, счастливо избежавшая поучительной, назидательной интонации и пафоса. Так и хочется назвать ее чеховской. Да, безусловно, профессия накладывает отпечаток на того, кто ею занимается. Александр Павлович Чудаков был филологом с мировым именем, замечательным исследователем творчества Чехова. Вместе с тем многие ли известные профессиональные филологи и литературоведы смогли написать хорошую художественную прозу?! Чудакову это удалось в полной мере! Как жаль, что это его единственный и последний роман!

Рассказать, о чем роман, не так просто, так как в нем нет четкого сюжета, понятной фабулы, главных героев и второстепенных персонажей. Но при этом, начав читать, оторваться уже невозможно: ты погружаешься в удивительную атмосферу прошлого, в мир, который тебе был совершенно не знаком, но кото-

А вы читали?

Ирина ЕВЛАДОВА врач по профессии и, как сама говорит, просто «широкий читатель» (помните, в предисловиях пишут: «Книга предназначена для широкого круга читателей»). Как медик уверяет, что хотя чтение настоящей литературы требует работы ума и души, но это очень полезно для здоровья. Неоднократно писала в «УГ» о заинтриговавших ее изданиях и фильмах. Вот и сейчас решила поделиться своими мыслями о необычной редкой книге.

рый становится тебе близок и необыкновенно интересен. Интересны эти люди, их повседневная жизнь, часто на грани с выживанием, предметы и предметы быта, конкретного материального мира жителей этого затерявшегося на границе Сибири и Казахстана города Чебачинска, перипетии и переплетения судеб людей. Причем совершенно разных – от бывшего кочегара броненосца «Ослябя», участника Цусимского сражения, до ссыльного, бывшего заместителя Сталина по национальным вопросам, от высланных чеченцев и немцев Поволжья до участника Великой Отечественной войны, бывшего разведчика, ставшего вором и разбойником.

Это Россия не просто провинциальная, но Россия окраинная (в географическом смысле это окраина империи, в данном случае – советской). И тут проявляется особенно ясно, как география повлияла на историю, на жизнь людей.

«...чиновник, который составлял документ, распределявший потоки ссыльных, плохо посмотрел на карту, решив, что Чебачинск – в голой степи. Но Чебачинский район был узким языком, которым горы, лес, Сибирь последний раз протягивались в Степь. Она началась в полутораэта километрах, на карте неспециалисту это было не понять. А до самой Степи раскинулся райский уголок, курорт, казахская Швейцария».

Но не только ссыльным повезло (а как сказать по-другому?) с местом ссылки, но и местному населению повезло со ссыльными, ведь такого количества интеллигенции на единицу площади герою романа Антону потом не доводилось видеть нигде. Много интеллигентов было не только среди политичес-

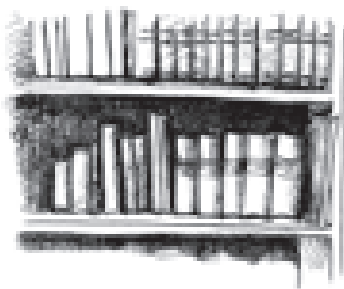
ких, но и среди депортированных немцев Поволжья, латышей и поляков.

«Четвертая культурная волна в Сибирь и русскую глухомань, – перечислял отец, загибая пальцы. – Декабристы, участники польского восстания, социал-демократы и прочие, и последняя, четвертая, – объединительная.

– Прекрасный способ повышения культуры, – иронизировал дед. – Типично наш. А я-то думаю: в чем причина высокого культурного уровня в России?»

Вразрез нашим клишированным представлениям среди ссыльных именно интеллигенты в значительно меньшей степени ощущали себя несчастными, хотя в отличие от кулаков, немцев или корейцев они не владели ремеслами, не знали земли, а служить в госучреждениях или преподавать им не разрешалось. Видимо, в данном случае большее значение имело обретение чувства внутренней свободы, радости от того, что, как выразился один из них, «порвалась цепь, сковывавшая его с этой колесницей». Кроме того, считалось, что любой человек может и должен научиться выращивать хотя бы уж картошку с капустой, благо пустой земли вокруг было много.

Фразу «В этой стране, чтобы выжить, все должны уметь делать все»

Чудаков выделил в отдельный абзац. Звучит как лозунг. Есть о чем задуматься.

Вообще физическому труду, часто тяжелому, до седьмого пота, посвящено в романе много страниц, причем автор очень подробно описывает каждый вид работ: какие удобрения нужно всыпать в каждую лунку при посадке картошки, чтобы «накопать из-под каждого куста не три-четыре картофелины, а полведра», как скирдовать и увязывать возы с сеном, чтобы они не вываливались при перевозке, и так далее. Но весь фокус в том, что читать это не скучно, а напротив, возникает эффект Тома Сойера: помните, он красил забор так, что выстроилась очередь из желающих принять в этом участие?!

А глава «Натуральное хозяйство XX века» читается просто, как поэма. Организовали это хозяйство для выживания в голодные военные годы члены многочисленной семьи Антона (повествование ведется то от его имени, то в первом лице). Семья была как бы добровольно ссыльной, то есть уехали сами, не дожидаясь арестов (были и такие, оказывается!). «Выращивали и производили все. Для этого в семье имелись необходимые кадры: агроном, плотник и шорник (дед), химик-органик (мама), дипломированный зоотехник (тетя Лариса), повар-кухарка (бабка), черная кухарка (тетя Тамара), слесарь, лесоруб и косарь (отец)». Тут любопытно и уместно отметить, что дед был выпускником духовной семинарии, а бабушка – польская дворянка, воспитанница Института благородных девиц, отец – преподаватель, окончил исторический факультет МГУ.

Трудились же все с утра до ночи, включая детей. Возделывали ого-

род, причем по всем правилам агрономической науки (второй специальности деда), и получали большие урожаи, когда исчез сахар из магазина, стали выращивать сахарную свеклу и делать патоку. Сами пекли хлеб, варили мыло и даже наладили технологию выдѣлывания кожи на сапоги, а когда был украден старый, еще дореволюционный градусник и единственный на весь город термометр остался только у местного врача, то они собственноручно изготовили и медицинский термометр! «Если б в дом Савиных-Стремоуховых попал англичанин, он бы подумал, что тут живут члены некоего общества в Великобритании, не пользующиеся никакими новшествами, появившимися после 1870 года!»

А между тем это Россия середины XX века! Ни у кого я прежде не читала такого подробного, спокойного, почти эпического описания жизни – с очень конкретными деталями быта – обычных людей, живших в то время в российской глубинке. Это своеобразное свидетельство эпохи, которое позволяет увидеть и почувствовать живую, подлинную историю нашего отечества, а не схему, легко меняющуюся в угоду политической конъюнктуре.

В дневниковых записях Чудакова я прочитала поразившую меня мысль: «Если удастся, роман будет свидетельством представителя последнего военного поколения – представителя особого, свободного в детстве от яда советской пропаганды». Как же можно было в те времена избежать этого всепроникающего влияния?! Ответ можно найти в романе: ему противостояло влияние семьи, и прежде всего деда.

Фигура деда в романе вообще совершенно особенная, он как бы выламывается из общей ровной картины повествования, создается впечатление, что ему при его росте и мощи тесны рамки романа даже его любимого внука, которым он, безусловно, мог бы гордиться. «За восемьдесят лет сознательной жизни полностью меня понимал только один человек на шестьдесят лет меня моложе», – говорил дед о внуке. Полное взаимопонимание и между сверстниками можно встретить нечасто, а тут люди, пусть и кровно близкие, но из разных поколений, даже родившиеся в разных странах: дед в Российской империи, внук в СССР! Это и удивляет, и восхищает, и особенно притягивает к тем страницам в романе, где «действует» дед. Хотя по большому счету его влиянием на внука проникнут весь роман. Ведь недаром в записках автора говорится о том, что своим миропониманием он обязан деду.

Что же было особенного в этом человеке? Прежде всего, мне кажется, это обаяние личности – цельной и удивительно гармоничной. Высокий, красивый, сильный, он был из рода потомственных священников, сам окончил духовную семинарию. Служить не пришлось, но от веры никогда не отступался.

«О вере дед высказывался редко, но не сомневался, что она в Россию вернется.

– Я не увижу, ты, возможно, дочь твоя увидит, наверное. Но какова она будет, эта вера? Ведь вера – не лоб перекрестить в храме на Пасху или Рождество. Это исповедь, молитва, пост, жизнь по нашему православному календарю. Воцерковление идет веками и годами, начинается с младенчества, с семьи».

По второму образованию он был агрономом и применял свои знания не только на практике, но читал много научных трудов по специальности, писал статьи, из которых, правда, при публикации выбрасывали его выпады против Лысенко, но соответствующее отношение к этому ненавистному «академику» он передал внуку.

Но в чем было его истинное призвание, в чем проявился его талант особенно ярко – в педагогике. Он любил и умел работать с детьми в младших классах, следуя при этом своим принципам и взглядам. Так, например, он был категорическим противником школьных парт.

«Бабка рассказывала, что когда она приносила деду завтрак, то нельзя было понять, перерыв или урок – во время занятий у деда сидели кто где хотел – на подоконниках, на полу, некоторые при решении задач предпочитали бродить по классу...» И когда много лет спустя внук прочитал в журнале «Америка» о современном методе преподавания в их школах и увидел фотоснимки, на которых школьники тоже не сидели за партами, а свободно располагались на цветных коврах и пуфиках, то, вспомнив деда, с грустью и иронией подумал, что, видимо, именно в этих коврах и пуфиках заключалось новое слово в современной педагогике.

В детях дед ценил больше всего не способности (читать и писать он мог научить любого), а любознательность, которую он всячески в них развивал. Он мог посвятить весь школьный день, например, математике, если дети увлеклись предложенной игрой в числа, а в следующий раз – грамматике или театру, когда разыгрывались басни

Крылова. Уроки географии и естествознания проводились на прогулке в лесу.

Он и внука с легкостью, между прочим, обучил читать, писать, считать и таблице умножения научил его, «играя в пальцы». Так что осенью мальчик пошел сразу во второй класс.

«Результаты метод деда, видимо, давал прекрасные: у него было множество каких-то поощрительных листов, а в двенадцатом году ко дню Св. Пасхи он был согласно представлению Министра Народного Просвещения пожалован Большой Золотой медалью Великого князя для ношения на шее... На эту медаль бабка в девятнадцатом году выменяла пуд гречки...»

Советскую власть дед не принял сразу и окончательно. Он воспринимал происходящее не только как нечто противозаконное, но и противоестественное, как насильственное нарушение нормального хода жизни. В той, прежней, жизни он много трудился и мог обеспечивать достойную жизнь себе и своей многочисленной семье, а в новой жизни вдруг все исчезло, и чтобы выжить, нужно было возвращаться в буквальном смысле к натуральному хозяйству.

В домашних разговорах дед своего отношения к советской власти не скрывал и любознательному внуку объяснял, что кулак-то как раз и есть настоящий работающий крестьянин, что Стаханов жулик и пьяница и т. д. А когда родители Антона ужасались, услышав это, дед с раздражением предлагал им самим отвечать на вопросы сына: «...глаза его недобро сверкали, как всегда, когда он говорил о колхозах, крестьянах и советском строе вообще; ни разу не видел я, чтобы они свер-

кали так, когда речь шла об отдельных людях – даже о бандитах, энкаведешниках и академике Лысенко».

Да, деду не пришлось ломать себя, он прожил, и может быть, не в последнюю очередь именно поэтому, долгую, пусть и очень трудную, но гармоничную и достойную жизнь. А вот отцу приходилось сложнее. Это и понятно – ведь он в неизмеримо большей степени был вовлечен в советскую систему. Историк по образованию, он преподавал в нескольких учебных заведениях, кроме того, его обязывали читать многочисленные лекции по международному положению. Сбежав из Москвы после ареста братьев на стройку в Казахстан, а после, живя в Чебачинске и общаясь со ссыльными, он многое понял про эту власть. Однако надо было жить, работать, растить детей. И стараться не допускать сомнений: «Иначе было б невозможно жить – нервная система не выдержала бы».

Чудаков пишет об отце, о «раздвоении человека, все понимающего, но вынужденного функционировать, хоть и в слабой степени, в Системе» очень пронзительно, с неизбывной душевной болью.

Говоря о романе, нельзя не сказать еще об одной его важной особенностях – его невероятной насыщенности различного рода сведениями из различных областей человеческих знаний и интересов. Очевидно, что знаменитое пушкинское утверждение о том, что «мы ленивы и нелюбопытны», к Александру Чудакову не относится совершенно. В его романе можно узнать историю про пророка Даниила и львов, про названия различных кружев, о том, сколько весят уши у слона и как они участвуют в его терморегуляции, про

собак (им вообще посвящена отдельная глава «Псы»), какие песни пели в русской провинции и еще множество других, не менее интересных сведений. Причем информация эта пронизывает весь роман совершенно органично и придает всему повествованию какой-то особый аромат достоверности и подлинности, яркости и радости жизни во всем ее разнообразии.

Это острое любопытство к жизни у автора опять-таки от деда. Вообще их взаимопритяжение составляет отдельную, очень важную, трогательную и нежную тему романа. Поэтому, наверное, когда речь идет о внучке героя, звучит такая щемящая, обреченно-недоуменная интонация: «Мир моего детства отстоял от внучки на те же полвека, что от меня – дедов. И как его – без радио, электричества, самолетов – был странен и остро любопытен мне, так мой – безтелевизионный и безмагнитофонный, с патефонами, дымящимися паровозами и быками – должен, казалось, хотя б своей экзотикой быть интересен ей. Но ей он был не нужен».

Интересно понять, почему Чудаков назвал свое произведение «роман-идиллия» – жизнь, описанная в романе, совсем не похожа на пастораль. Мне кажется, дело тут в общей атмосфере романа, в ощущении счастья и радости жизни вопреки всему. Хотя, может быть, прочитав роман, у вас возникнет другой ответ на этот вопрос.

